

ВСЕОБЩАЯ БИБЛИОТЕКА

№ 73

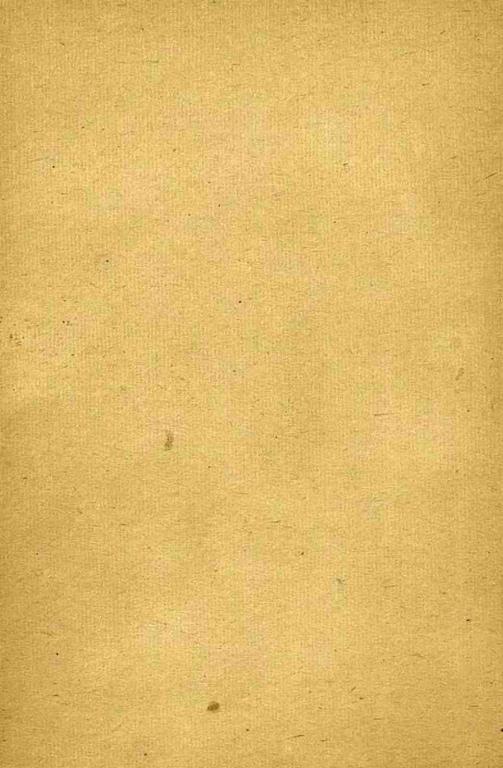
Альфоне Додэ

Тартарен из Тараскона

ПОВЕСТЬ

Перевод с французского

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

АЛЬФОНС ДОДЭ

Д-601

Тартарен из Тараскона

Всякий француз—
немного тарасконец.

П Е Р Е В О Д
С ФРАНЦУЗСКОГО
Н. СОБОЛЕВСКОГО

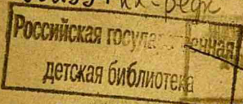
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
Москва 1923 Петроград

18595

1957-68 г.

662334 кх-регх

Главлит № 8360. Гиз. 4273. Москва.

Тир. 10 000.

7-я типография «Мосполиграф», Филипповский п., 11.

Первый эпизод.

В ТАРАСКОНЕ.

I.

Сад с баобабом.

Я никогда не забуду своего первого посещения Тартарена из Тараскона. С тех пор прошло двенадцать или пятнадцать лет, но я помню все его подробности лучше, чем то, что было вчера. Неустрашимый Тартарен жил тогда в самом начале города, в третьем доме налево, на Авиньонской улице. Это была красивая маленькая тарасконская вилла с разбитым перед ней садом и балконом позади, с совершенно белыми стенами, зелеными ставнями и кучей маленьких савояров у порога, прыгавших на одной ноге или дремавших на солнце, положив головы на ящики с ваксой.

Снаружи дом не представлял ничего особенного.

Вы никогда не подумали бы, что находитесь перед жилищем героя. Но, переступив порог, вы приходили в трепет...

От подвала до чердака, — все здание имело геройский вид, даже сад!

О, сад Тартарена, — ему не было подобного в Европе! — Ни одного местного дерева, ни одного французского цветка, — одни только экзотические растения: камедные, тыквенные, хлопковые, манговые деревья, бананы, пальмы, баобаб, индийские смоковницы, кактусы, фиги из Берберии, — можно было подумать, что находишься в самом центре Африки, за десять тысяч лье от Тараскона. Все это, разумеется, не имело натуральной величины; так, кокосовые пальмы были не больше свеклы, а баобаб (*arbor gigantea*, гигантское дерево) с успехом помещался в горшке из-под резеды; но не все ли равно! — для Тараскона и это было очень хорошо, и видные в городе лица, допускавшиеся по воскресеньям к созерцанию баобаба Тартарена, уходили преисполненные изумления.

Подумайте, какое волнение должен был испытывать я в тот день, проходя по этому удивительному саду!.. А что я почувствовал, когда меня ввели в кабинет героя!..

Этот кабинет, — одна из достопримечательностей города, — находился в глубине сада, и баобаб рос как раз против его стеклянной двери.

Вообразите себе большую залу, увешанную сверху до-низу ружьями и саблями; тут можно

было найти оружие всех стран света: карабины, винтовки, мушкетеры, корсиканские ножи, каталонские ножи, ножи-револьверы, ножи-кинжалы, малайские ножи, карибские стрелы, кремневые стрелы, кистены, кастеты, готтентотские палицы, мексиканские лассо, — всего не перечислишь!

Яркое, жгучее солнце заставляло сверкать клинки мечей и стволы огнестрельного оружия, как будто для того, чтобы напугать вас еще больше... Но вы несколько успокаивались при виде порядка и чистоты, господствовавших в этом арсенале. Все тут было разложено, тщательно вычищено, снабжено ярлыками, как в аптеке, там и сям можно было прочесть добродушную надпись:

Отравленные стрелы, не прикасайтесь!

или:

Заряженное оружие, берегитесь!

Не будь этих надписей, я никогда не решился бы войти.

Посреди кабинета находился столик. На столике — бутылка рома, турецкий кисет, Путешествия капитана Кука, романы Купера, Густава Эмара, охотничьи рассказы, — рассказы об охоте на медведя, на сокола, на

слона и т. д. Наконец, перед столиком сидел человек лет сорока - сорока пяти, маленький, толстый, коренастый, краснолицый, в рубашке и фланелевых кальсонах, с густой пороткой бородой и пылающими глазами; в одной руке он держал книгу, а другой размахивал громадной трубкой с железной крышкой; читая какой-то страшный рассказ об охотниках за черепами, он грозно выпячивал нижнюю губу, что придавало его частной физиономии скромного тарасконского рантье, выражение добродушной свирепости, царившей во всем доме.

Этот человек был Тартарен, неустрашимый, великий, несравненный Тартарен из Тараскона.

II.

Общий обзор богоспасаемого города Тараскона; охотники за фуражками.

В то время Тартарен не был еще нынешним Тартареном, великим Тартареном, который так популярен на всем юге Франции. Однако, даже в эту эпоху, он был уже королем Тараскона.

Расскажем, как досталось ему это королевство.

Прежде всего, надо заметить, здесь все, от

мала до велика, охотники. Охота — страсть тарасконцев, и притом уже с тех мифологических времен, когда некое чудовище Тараск свирепствовало в окрестных болотах, а тогдашние тарасконцы устраивали на него облаву.

Это было, как видите, очень давно.

Итак, каждое воскресенье, по утрам, Тараскон вооружается и выходит за городские стены, с сумой на спине и ружьем на плече, сопровождаемый лаем собак, воем охотничьих хорьков и звуками рогов. Зрелище великодушное... Жаль только, что дичи нет и в помине...

Как ни глупы животные, но в конце концов, они стали недоверчивы.

На пять лье кругом Тараскона норы пусты, гнезда покинуты. Ни одного дрозда, ни одной перепелки, ни одного даже кролика или чекана.

Тем не менее, маленькие тарасконские холмики, благоухающие миртом, лавандой и розмарином, очень соблазнительны, а мускатные виноградники, с гроздьями, переполненными сахаром, которые тянутся вдоль берега Роны, чортovski аппетитны... Да, но позади находится Тараскон, а в маленьком мире четвероногих и пернатых Тараскон пользуется дурной славой. Перелетные птицы даже отметили его большим крестом на придорожных листьях и когда дикие утки, спускаясь к Камаргу, длинными треугольниками, завидят издали город-

ские колокольни, их передовой кричит во все горло:

— Тараскон!.. Тараскон! — и вся стая пускается в обход.

Словом, из дичи во всей стране остался один лишь старый бездельник заяц, который каким-то чудом спасся от тарасконского террора и упорно продолжает жить в тамошних краях! В Тарасконе все знают этого зайца. Его прозвали Быстрым. Известно, что его логовище находится на земле г-на Бомпара, — что, между прочим, подняло цену на эту землю вдвое или даже втрое, — но Быстрый неуловим.

В настоящее время только два или три закоренелых упряма продолжают преследовать его.

Остальные поставили на нем крест, и Быстрый давно уже стал предметом местного суеверия, хотя тарасконец далеко не суеверен по природе и ест рагу из ласточек, когда они ему попадают.

— Но если в Тарасконе так мало дичи, то что же делают тарасконские охотники по воскресеньям?

Что они делают?

Они отправляются в поле, за два-три лье от города; составляют группы в пять-шесть человек, мирно располагаются в тени колодца, старой стены или оливкового дерева, вынимают из ягдташей добрый кусок тушеной говя-

дины, лук, колбасу, несколько анчоусов и начинают бесконечный завтрак, орошаемый одним из тех славных ронских вин, которые заставляют пить и смеяться.

Основательно нагрузившись, они встают, зовут собак, заряжают ружья и принимаются за охоту. Это значит, что каждый из них берет свою фуражку, бросает ее изо всех сил вверх и стреляет в нее на лету дробью разного калибра — пятым, шестым, или вторым номером, — смотря по условию.

Тот, кто попадает чаще других в свою фуражку, провозглашается королем охоты и с триумфом вступает вечером в Тараскон среди дая и звуков рогов, надев на ружье свою изрешетенную фуражку.

В городе, разумеется, идет бойкая торговля охотничьими фуражками. Есть даже шалопеники, которые продают для неловких стрелков заранее продырявленные и изорванные фуражки; но кроме аптекаря Безюкэ их почти никто не покупает. Какой позор!

Как охотник за фуражками, Тартарен не имел себе равного. Каждое воскресенье, он выходил утром в новой фуражке с тем, чтобы вернуться вечером с лохмотьями. В домике с баобабом чердаки были битком набиты этими достославными трофеями. Поэтому все тарасконцы признавали его своим главой, и так как Тартарен основательно знал охотничий кодекс,

так как он прочел все трактаты, все руководства ко всевозможным видам охоты, начиная с охоты за фуражками и кончая охотой за бирманским тигром, то они сделали его верховным судьей во всем, что касается охоты, и он решал все их споры.

Ежедневно, от трех до четырех часов дня, у оружейного мастера Костекальда можно было видеть толстого человека, с важным видом восседавшего с трубкой в зубах на зеленом кожаном кресле посреди лавки, наполненной шумной толпой охотников за фуражками. То был Тартарен, отправлявший правосудие, — Немврод и Соломон в одно и то же время.

III.

Нэт! Нэт! Нэт! Продолжение общего обзора богоспасаемого города Тараскона.

Храбрая тарасконская раса соединяет со страстью к охоте другую страсть: к романсам. Трудно поверить, сколько романсов в ходу в этой маленькой стране. Всякая сантиментальная ветошь, пожелтевшая в старых картонах, вновь переживает в Тарасконе свою молодость, свой расцвет. Тут можно найти все романсы, все без исключения. Каждое семейство имеет свой и это всем известно. Все знают, например, романс аптекаря Безюкэ:

Ты, обожаемая белая звезда;

Оружейного мастера Костекальда:

Придешь ли ты в страну хижин?

Сборщика пощлин:

Если б я был невидимкой,
Никто бы меня не увидел.

(Комическая песенка).

И так далее. Два - три раза в неделю они собираются друг у друга и поют их. Замечательно, что с незапамятных времен поются одни и те же романсы, и тарасконцы не имеют ни малейшего желания менять их. Они переходят по наследству от отца к сыну и считаются неприкосновенными. Их никогда не заимствуют друг у друга. Костекальдам никогда не придет в голову пропеть романс Безюкэ, а Безюкэ — романс Костекальдов. Само собою разумеется, что за сорок лет, в течение которых эти романсы, поются, они должны были выучить их наизусть; тем не менее, каждый довольствуется своим.

По части романсов, как и по части фуражек, первое место в городе опять-таки занимал Тартарен. Его превосходство над согражданами заключалось в том, что у него не было своего. Он знал все.

Все!

Но было чертовски трудно заставить его петь. Тарасконский герой недолго блистал в

гостиных; он предпочитал погружаться в свои охотничьи трактаты или проводить вечера в клубе вместо того, чтобы любезничать у пианино из Нима между двумя зажженными свечами. Тартарен считал участие в этих концертах ниже своего достоинства... Но иногда он, как будто случайно, входил в аптеку Безюкэ, когда там слышалась музыка, и, заставив себя хорошенько попросить, соглашался спеть со старухой Безюкэ большой дуэт из Роберта Дьявола...

Кто никогда не слышал этого пения, тот ничего не слышал... Что касается меня, то, проживи я сто лет, я всегда буду видеть перед собой великого Тартарена в ту минуту, когда он торжественным шагом приближается к пианино, облокачивается на него, выпячивает губу и старается придать своей добродушной физиономии, на которую бросают отблеск зеленые бутылки аптечной витрины, сатанинское, свирепое выражение Роберта Дьявола. Как только он принимал соответствующую позу, весь зал приходил в трепет; чувствовалось, что сейчас произойдет нечто великое. Небольшая пауза,—и старуха Безюкэ начинала, аккомпанируя себе:

Роберт, тебя я люблю,
Тебе я доверяюсь,
Ты видишь ужас мой (bis),
Сжался над собой
И сжался надо мной.

Затем она прибавляла шопотом:

— Теперь вы, Тартарен.

И Тартарен, вытянув руку, сжав кулак и раздув ноздри, произносил три раза ужасным голосом, который раскатывался, как удар грома:

— Нет!... нет!... нет!... при чем у него, как у истого южанина, выходило: — Нэт!.. нэт!.. нэт!.. Тогда старуха Безюкэ повторяла еще раз:

Сжался над собой

И сжался надо мной.

Нэт!.. нэт!.. нэт!.. — ревел Тартарен еще громче, и пение заканчивалось. Романс был не слишком длинен, как видите, но это произносилось так хорошо, сопровождалось такой дьявольской мимикой, что по аптеке пробегала дрожь ужаса, и героя заставляли повторять его «нэт!.. нэт!..» четыре-пять раз под-ряд.

Затем Тартарен вытирал лоб, дарил улыбкой дам, подмигивал мужчинам и отправлялся после своего триумфа в клуб, где говорил с небрежным видом:

— Я был у Безюкэ и цел там дуэт из Роберта Дьявола!

Замечательнее всего, что он сам этому верил!

IV.

Он и!!!

Вот каким разнообразным талантом Тартарен из Тараскона был обязан своим высоким положением в городе.

Как бы то ни было, факт тот, что этот плут умел привлечь к себе всех.

В Тарасконе армия была за Тартарена. Храбрый командир Бравида, отставной начальник ротной швальни, всегда говорил о нем:

— Это молодец! — а командир, конечно, знал толк в молодцах, — не даром он столько времени одевал их.

Магистратура была за Тартарена. Старый председатель Ладевэз, в присутствии всего суда, два или три раза отзывался о нем:

— Это характер!

Наконец, народ был за Тартарена. Его широкие плечи, походка, вид смельчака, неизвестно откуда взявшаяся репутация героя, мелкие монеты и подзатыльники, которые он иногда раздавал маленьким чистильщикам сапог, располагавшимся у его двери, — все это делало из него местного лорда Сеймура, короля тарасконских рынков. Когда по воскресеньям Тартарен возвращался вечером с охоты, надев фуражку на ружье, и туго подпоясав свою бумажную куртку, грузчики на набережной

Роны почтительно кланялись ему и, указывая глазами на гигантские мускулы, выделявшиеся на его руках, с удивлением шептали друг другу:

— Вот так силач!.. У него двойные мускулы.

Двойные мускулы!

Только в Тарасконе можно услышать нечто подобное!

Но при всем том, несмотря на свои многочисленные таланты, двойные мускулы, любовь народа и столь ценное уважение командира Бравида, отставного начальника ротной швальни, — Тартарен не был счастлив; жизнь маленького городка тяготила его, он задыхался в нем. Великий человек Тараскона скучал в Тарасконе. Понятно, что для подобной героической натуры, для безумно-пылкого духа, которому мечтались одни лишь битвы, путешествия по пампасам, охотничьи подвиги, пески, пустыни, ураганы и тифоны, — проводить все воскресенья в стрельбе по фуражкам, а остальное время в отправлении правосудия у оружейного мастера Костекальда было слишком недостаточно. Бедный великий человек! Неудивительно, что он изнывал от тоски.

Напрасно он окружал себя баобабам и другими африканскими растениями, чтобы расширить свой горизонт и хоть несколько позабыть Рыночную площадь и клуб; напрасно

нагромождал он кучи оружия, — один малайский нож на другой; напрасно набивал себе голову романтическим чтением, стараясь, подобно бессмертному Дон-Кихоту, вырваться силой трез-своих из тисков неумолимой действительности... Увы! Все, что Тартарен делал для утоления своей жажды приключений, только увеличивало ее. Вид всего этого оружия держал его в состоянии постоянного гнева и возбуждения. Его винтовки, стрелы, лассо вопияли к нему: «На бой, на бой!». В ветвях его баобаба гудел ветер далеких стран и давал ему дурные советы. Наконец, Густав Эмар и Фенимор Купер...

О, сколько раз в томительные летние дни, когда Тартарен читал у себя в кабинете, окруженный мечами, он, дико рыча, вскакивал с места. Сколько раз он отбрасывал свою книгу и кидался к стене, чтобы сорвать с нее какой-нибудь доспех!

Бедняга забывал, что находится у себя дома, в Тарасконе, с фуляровым платком на голове и в кальсонах; воображая себя действующим лицом романа и возбуждаясь звуками собственного голоса, он кричал, размахивая топором или томагавком:

— Пусть они попробуют прийти!

О н и? Кто это—о н и?

Тартарен и сам этого хорошенько не знал. О н и! Это обозначало все способное нападать,

сражаться, кусать, скальпировать, выть, рычать!.. Это о н и обозначало краснокожего сиукса, пляшущего вокруг столба, к которому привязан несчастный белый. Это обозначало серого медведя Скалистых гор, который переваливается с лапы на лапу и облизывается окровавленным языком. Это обозначало также туарега пустыни, малайского пирата, бандита Аbruцких гор...

Словом, о н и — это были о н и!.. то-есть, война, путешествия, приключения, слава.

Но увы! неустрашимый тарасконец напрасно звал их на бой... О н и никогда не являлись... Да и с какой стати им было являться в Тараскон? Тем не менее, Тартарен не переставал их ждать, особенно по вечерам по дороге в клуб.

V.

Российская государственная

Тартарен идет в клуб. детская библиотека

Тамплиер, собирающийся сделать вылазку на осаждающих его неверных; китайский солдат знамени тигра, готовящийся к бою; команчский воин, вступающий на тропу войны, — все это ничто в сравнении с Тартареном, вооружающимся с головы до ног, чтобы отправиться в девять часов вечера в клуб, через час после того, как протрубят горнисты.

На abordаж!.. как говорят матросы.

В левую руку Тартарен брал кинжал с железным острием.

Тартарен из Тараскона.

662334

84368 85581

лезными шипами, в правую — трость со скрытым в ней клинком; в левый карман кастет; в правый — револьвер. На груди, между сюртуком и фуфайкой, он прятал малайский нож. Но герой никогда не брал отравленных стрел; это слишком бесчестное оружие!..

Прежде чем выйти, он производил в своем полутемном кабинете некоторые упражнения: — расправлял члены, стрелял в стену, щупал мускулы; затем брал ключ и важной, неторопливой походкой шел через сад. По-английски, милостивые государи, по-английски! — в этом заключается истинная храбрость. Пройдя сад, он открывал тяжелую железную дверь, — открывал ее быстро, с силой, так что она ударялась об ограду: о н и обратились бы в лепешку, если бы были за дверью.. Но, к несчастью и х никогда там не бывало.

Открыв дверь, Тартарен выходил, бросал взгляд направо и налево и поспешно запирает ее двумя оборотами ключа. Затем он пускался в путь.

На Авиньонской улице ни души. Двери заперты, окна темны. Все погружено во мрак. Лишь изредка в тумане мерцают фонари. Тартарен шагал в темноте, гордый и спокойный, стуча каблуками и высекая искры железным наконечником своей палки... На бульварах, на больших улицах и в переулках, — всюду он заботливо держался середины мостовой: превос-

ходная мера предосторожности, позволяющая видеть приближение опасности, а особенно—избежать того, что по вечерам падает иногда из окон на улицы Тараскона. Не подумайте, что Тартарен боялся... Нет! он только был на чеку.

Лучшим доказательством отсутствия у Тартарена страха служит то обстоятельство, что он никогда не ходил в клуб прямой дорогой, а всегда через весь город, т.-е. самой длинной и самой темной дорогой, состоявшей из кучи скверных переулков, в конце которых зловеще блестела Рона. Бедняга всегда надеялся, что при повороте в одно из этих разбойничьих гнезд о н и выскочат из темноты и бросятся на него сзади. О н и получили бы хороший отпор, я вам ручаюсь... Но, увы! По иронии судьбы, Тартарену никогда, решительно никогда не удавалось столкнуться с опасностью. Он не встречал даже собаки, даже пьяного. Никого!

Иногда, впрочем, бывала ложная тревога. Шум шагов, сдержанные голоса...

— Внимание! — говорил себе Тартарен и останавливался, как встревоженный, вглядываясь в темноту, нюхая воздух и прикладывая ухо к земле, как это делают индейцы... Шаги приближались. Голоса становились явственнее... Нет более сомнений! О н и явились... О н и тут. С пылающими глазами, с вздымающейся грудью, с'ежившись, как ягуар, Тартарен уже готовился прыгнуть, испуская боевой клич... как вдруг

до него доносился окликавший его добродушный тарасконский голос:

— Эге!.. Да это Тартарен... Добрый вечер, Тартарен!

Проклятие! То был аптекарь Безюкэ, шедший со своим семейством к Костоскальдам пить свой.

— Добрый вечер, добрый вечер!—ворчал Тартарен, приведенный в ярость своей ошибкой и, рассвирепев, углублялся во мрак с поднятой кверху тростью.

Придя на ту улицу, где помещался клуб, неустрашимый Тартарен ждал еще некоторое время, прогуливаясь взад и вперед прежде чем войти... Когда ему, наконец, надоедало ждать их и он убеждался, что они не покажутся, он бросал последний взгляд в темноту и гневно бормотал:

— Ничего!.. Ничего!.. никогда ничего!..

Затем наш храбрец входил и садился за свою партию в безик с командиром.

VI.

Два Тартарена.

Но почему же Тартарен никогда не покидал Тараскона, несмотря на пылкую страсть к приключениям, потребность в сильных ощущениях и мечты о путешествиях, набегам и всякой чертовщине?

А между тем это факт. До сорокапятилетнего возраста неустрашимый тарасковец ни разу не совершил даже пресловутого путешествия в Марсель, обязательного для каждого провансальца по достижении им совершеннолетия. Тартарен имел некоторое представление об одном лишь Бокэре; но Бокэр находится недалеко от Тараскона,—надо только перейти мост. К сожалению, этот проклятый мост так часто сносится порывами ветра, он так длинен и хрупок, а Рона в этом месте так широка, что... вы понимаете... Тартарен предпочитал сушу.

Пора признаться, что в нашем герое заключались две совершенно разных натуры. «Я чувствую в себе двух людей», сказал один из отцов церкви. Можно подумать, что, говоря это, он имел в виду Тартарена, обладавшего душой Дон-Кихота,—такими же рыцарскими порывами, таким же героическим идеалом, той же страстью ко всему романтическому и грандиозному; но Тартарену, к несчастью, не хватало костлявого, худого тела знаменитого гидадьго, этой тени тела, нечувствительного к физическим лишениям, способного провести двадцать ночей в латах и питаться двое суток горстью риса... Тело у Тартарена было, наоборот, хорошо упитанное, грузное, чувственное, изнеженное, вечно недовольное и требовательное,—словом,

пузатое и тургузое тело бессмертного Санчо-Пансы.

Дон-Кихот и Санчо-Панса в одном лице! Они, разумеется, не ладили друг с другом. Это была непрерывная междоусобная война. О, чудный диалог, достойный пера Лукиана или Сент-Эвремона, диалог между двумя Тартаренами! Тартарен-Дон-Кихот, возбужденный рассказами Густава Эмара, восклицает:

— Я еду!

Тартарен Санчо, думающий только о своих ревматизмах, говорит:

— Я остаюсь.

Т а р т а р е н - Д о н - К и х о т

(в сильном возбуждении)

Покрой себя славой, Тартарен!

Т а р т а р е н - С а н ч о

(совершенно спокойно)

Тартарен, покрой себя одеялом.

Т а р т а р е н - Д о н - К и х о т

(возбуждаясь еще более)

О, славные двуствольные винтовки! О, кинжалы, лассо, мокассины!

Т а р т а р е н - С а н ч о

(еще спокойнее).

О, славные вязаные фуфайки! О, славные теплые наколенники! О, милые штаны с на-
ушниками!

Тартарен - Дон - Кихот

(вне себя)

● Топор! Дайте мне топор!

Тартарен - Санчо

(звонит торничной)

Жаннетта, подайте шоколад.

И Жаннетта приносила превосходный, горячий, густой, ароматный шоколад с вкусными анисовыми сухариками, вид которых возбуждал улыбку Тартарена-Санчо и заставлял умолкнуть Тартарена-Дон-Кихота.

Вот почему Тартарен из Тараскона никогда не покидал Тараскона.

VI.

Европейцы в Шанхае. Международная торговля.—Татары. Был ли Татарен из Тараскона лгуном?—Мираж.

Раз, впрочем, Тартарен едва не уехал в далекое путешествие.

Три брата Гарсио-Кампос,—тарасконцы, поселившиеся в Шанхае,—предложили ему управлять одной из тамошних контор. Это была как раз та жизнь, которой ему недоставало: крупные дела, целая армия подчиненных, сношения с Россией, Персией, Азиатской Турцией,—международная торговля.

Надо было слышать, как гордо звучали в устах Тартарена слова: международная торговля!

Торговый дом Гарсио-Камнос обладал, кроме того, тем преимуществом, что его иногда посещали татары. Тогда двери поспешно запирались. Все служащие брали ружья, поднимали консульское знамя и—трах! тарарах!—стреляли из окон в татар.

Нечего и говорить, в какой энтузиазм привело такое предложение Тартарена-Дон-Кихота; к несчастью, Тартарен-Санчо не хотел и слышать о нем, и, так как он был сильнее, то дело не выгорело.

В городе много говорили об этом путешествии. Уедет он? Или останется?—Держали пари за и против. Это было целое событие... В конце концов, Тартарен не поехал; тем не менее, эта история возвысила его славу.—Поехать в Шанхай или едва туда не поехать,—для Тараскона это одно и то же. О путешествии Тартарена столько говорили, что, наконец, его начали считать вернувшимся оттуда, и по вечерам, в клубе, его расспрашивали о шанхайской жизни, о нравах, о климате, об опиуме и международной торговле.

Тартарен, отлично осведомленный обо всем этом, охотно сообщал все подробности, и, в конце концов, наш добряк сам стал верить, что побывал в Шанхае и, рассказывая в сотый раз

о нападении татар, начал говорить самым естественным образом:

— Тогда я вооружаю своих служащих, вывешиваю консульское знамя и—трах тара-рах!—из олов в татар.

И, слушая это, весь клуб дрожал...

— Но, в таком случае, ваш Тартарен был отъявленный лгуни.

— Нет! Совсем нет! Тартарен не был лгуном.

— Но не мог же он не знать, что никогда не был в Шанхае!

— Конечно, он знал это. Но выслушайте следующее... Пора объясниться раз-на-всегда относительно репутации лгунов, которая, с легкой руки северян, установилась за южанами. На юге нет лгунов,—ни в Марсели, ни в Ниме, ни в Тулузе, ни в Тарасконе. Южанин не лжет, он заблуждается. Он не всегда говорит правду, но он сам верит тому, что говорит. Его ложь—это не ложь, а что-то в роде миража...

Да, в роде миража!! Если вы хотите вполне меня понять, то поезжайте на юг, и вы увидите... Вы увидите удивительную страну, в которой солнце все видоизменяет и увеличивает в размере. Вы увидите маленькие холмики Прованса; они не выше Монмартра,—но покажутся вам громадными; увидите четырехугольный дворец в Ниме, маленькую комнатную

безделушку, — он покажется вам не меньше собора Парижской Богоматери. Вы увидите... На юге—один только луг, и этот единственный луг—солнце!—Оно преувеличивает все, на что бросает свои лучи! Чем была Спарта в пору своего блеска?—Небольшим селом. Чем были Афины? Они едва достигали размеров уездного города... Однако, в истории и Спарта и Афины являются громадными городами. Вот, что сделало солнце!..

Удивительно ли после этого, что то же солнце, бросая лучи на Тараскон, смогло превратить ютставного начальника ротной швалли Бравида в храброго командира, брюкву в баобаба, а человека, чуть не поехавшего в Шанхай, в человека, побывавшего там?

VIII.

Зверинец Митэн. Лев из Атласа в Тарасконе.

Грозная и торжественная встреча.

Теперь, после того, как мы изобразили Тарарена из Тараскона в его частной жизни, когда еще слава не коснулась его чела и не увенчала его неувядаемыми лаврами; после того, как жизнь героя описана нами в ее обыденной обстановке, со всеми ее радостями, горестями, мечтами и надеждами, — поспешим перейти к великим страницам его биографии и к тому за-

мечательному событию, которое определило всю его дальнейшую судьбу.

Однажды вечером Тартарен объяснял нескольким любителям в оружейной лавке Костекальда, как обращаться с только что появившимся в продаже игольчатым ружьем. Вдруг дверь открывается, и в лавку врывается перепутанный охотник за фуражками, крича: «Лев! лев!...» Всеобщее смятение, толкотня, на всех лицах написан ужас. Тартарен привинчивает к ружью штык, Костекальд бежит запира́ть дверь. Охотника окружают, на него нашивают, его засыпают вопросами и узнают следующее: возвращающийся с Бокэрской ярмарки зверинец Митэн согласился остановиться на несколько дней в Тарасконе и только что расположился на замковой площади с кучей удавов, тиленей, крокодилов и с великолепным львом, вывезенным из Атласа.

Лев из Атласа в Тарасконе! Никогда еще не бывало ничего подобного. Можете себе представить, с какой тордостью глядели друг на друга наши brave охотники за фуражками, как сияли их мужественные лица и какими крепкими рукопожатиями обменивались они, молча, во всех углах лавки!

Новость была так неожиданна, так потрясающая, что все точно онемели...

Даже Тартарен. Он стоял у прилавка, бледный и дрожащий, не выпуская из рук ружья...

Лев из Атласа здесь, рядом, в двух шагах! Лев! — То-есть, царь зверей, не имеющий себе равного по отваге и свирепости, об охоте на которого он едва осмеливался мечтать, — нечто в роде главного персонажа той труппы, которая разыгрывала такие чудные драмы в его воображении...

Лев! Тысяча дьяволов!

И притом лев из Атласа!!! — Тартарен задышался от волнения.

Вдруг герой вспыхнул. Его глаза засверкали. Судорожным движением он вскинул ружье на плечо и, обращаясь к храброму командиру Бравиды, отставному начальнику ротной швальни, произнес громовым голосом:

— Идем, командир!

— Э!.. Пойдите!.. А мое ружье!.. Вы уносите мое ружье! — залепетал Костекальд, но Тартарен был уже на улице, и все охотники за фуражками двинулись вслед за ним, гордо шагая в ногу. Когда они прибыли в зверинец, там было уже много публики. Тарасконцы, — народ героический, — слишком долго оставались без сенсационных зрелищ и ринулись теперь в балаган; билеты брались с бою. Толстуха Митэн была очень довольна... Знаменитая дама встречала тарасконцев в своем кабийском одеянии, с обнаженными по локоть руками, с железными браслетами на щиколках, держа в одной руке хлыст, а в другой

живого оципанного цыпленка, и так как у нее были двойные мускулы, то она имела почти такой же успех, как и ее питомцы.

Появление Тартарена, с ружьем на плече, вызвало панику.

Вполне естественно, что тарасконцы, совершенно спокойно разгуливавшие между клеток, без всякого оружия, не подозревая даже, что есть опасность, пришли в ужас, увидя в балагане своего великого Тартарена со страшным ружьем в руках.

Значит, действительно, дело неладно, если даже он, — этот герой.. И во мгновение ока толпа отхлынула от клеток. Дети завопили от страха, дамы посматривали на дверь. Аптекарь Безюкэ удрал, говоря, что он пойдет за своим ружьем.

Мало-по-малу, однако, поведение Тартарена ободрило храбрецов; неустрашимый тарасконец обошел весь балаган медленным шагом, с высоко поднятой головой, без малейших признаков волнения; он прошел, не останавливаясь, мимо бассейна тюленя, презрительно взглянул на длинный ящик с отрубями, в котором удав переваривал проглоченного живьем цыпленка, и, наконец, остановился перед клеткой льва.

Грозная и торжественная встреча. — Лев Тараскона и лев Атласа друг против друга... С одной стороны, Тартарен, в позе, выражающей напряженное ожидание, стоит, опершись на

винтовку, с другой—лев, гигантский лев, растянулся на соломе, с сонным видом, мигая глазами и положив свою огромную косматую голову на передние лапы... Оба спокойно глядят друг на друга.

И странная вещь! — Вид ли игольчатого ружья рассердил льва, или же он почуял своего заклятого врага, но только зверь, с царственным презрением, зевая, смотревший до тех пор на тарасконцев, вдруг обнаружил явные признаки гнева. Сначала он фыркнул, глухо заворчал, выпустил когти, расправил лапы; затем встал, поднял голову, потряс гривой, раскрыл свою громадную пасть и грозно зарычал на Тартарена.

Отчаянные вопли раздались в ответ. Обезумев от ужаса, тарасконцы бросились к дверям; все поголовно обратилось в бегство: женщины, дети, носильщики, охотники за фуражками и даже храбрый командир Бравида... Один лишь Тартарен не тронулся с места... Он стоял перед клеткой льва, решительный и непоколебимый; глаза его метали молнии, и лицо приняло грозное выражение, которое так хорошо знал весь город.

Когда через минуту бесстрашие Тартарена и прочность решеток несколько успокоили охотников за фуражками, и они приблизились к своему вождю, то слышали, как он бормотал, глядя на льва:

— Да, это охота!

Это было все, что сказал в тот день Тартарен.

IX.

Замечательное действие миража.

Это было все, что сказал в тот день Тартарен, но несчастный сказал слишком много.

На другой день весь город заговорил о скором отъезде Тартарена в Алжир на охоту за львами.

Беру вас в свидетели, дорогие читатели, что герой не говорил ничего подобного. Но вы знаете, — мираж...

Словом, в Тарасконе только и было разговоров, что об отъезде Тартарена.

На бульваре, в клубе, у Костекальда, — повсюду обыватели подбегали друг к другу с испуганными лицами:

— А вы знаете новость?

— Какую?.. Об отъезде Тартарена?..

Можете себе представить изумление Тартарена, когда ему сообщили, что он едет в Африку. — Но чего только не делает тщеславие! — Вместо того, чтобы сказать просто, что он не едет, что он и не думал никогда ехать, — бедняга, когда с ним заговорили об этом путешествии в первый раз, отвечал уклончиво: «Гм!.. может быть... я еще не решил!» Во второй

раз, несколько освоившись с этой идеей, он сказал: «Вероятно». В третий: «Да, — я еду!» Наконец, вечером, в клубе и у Костекальда, несчастный, возбужденный пуншем, аплодисментами и ярким освещением, опьяненный фурором, который произвел в городе слух об его отъезде, — заявил категорически, что ему надоело охотиться за фуражками, и что он в скором времени отправляется на охоту за львами Атласа.

Оглушительное ура раздалось в ответ. Затем последовал новый пунш, рукопожатия, объятия и серенада с факельным шествием, продолжавшаяся до полуночи перед домиком с баобабом.

Нельзя сказать, чтобы Тартарен-Санчо был доволен всем этим! Его бросало в дрожь при одной мысли о путешествии в Африку и об охоте на львов; вернувшись домой, он сделал, во время серенады, ужасную сцену Тартарену-Дон-Кихоту, называл его сумасшедшим, полумным, сумасбродным, фантазером и во всех подробностях рисовал катастрофы, которые ожидали его: кораблекрушения, ревматизмы, лихорадки, дезинтерии, моровую язву, проказу и прочее...

Напрасно Тартарен-Дон-Кихот клялся, что он будет беречь себя, что он будет жутаться и захватит с собой все необходимое, — Тартарен-Санчо и слушать его не хотел. Бедняге

представлялось, что он растерзан львами, поглощен песками пустыни, как Камбиз; и только после того, как Тартарен-Дон Кихот объяснил ему, что они едут не сейчас, что никто их не гонит, что они еще не уехали, — Тартарен-Санчо несколько успокоился.

И, действительно, в подобную экспедицию нельзя отправляться, не подготовившись. Путешествие в Африку, — ведь это не шутка, чорт возьми! — туда не поедешь налегке...

Прежде всего тарасконец решил прочесть сочинения великих путешественников по Африке: Мунго Парка, Кайэ, доктора Ливингстона, Генриха Дюверье.

Он увидел, что прежде, чем отправиться в дальние страны, эти смелые путешественники в течение долгого времени приучали себя переносить голод, жажду, продолжительную ходьбу, — всевозможные лишения. Тартарен захотел подражать им и с тех пор питался исключительно вареной водой, — так называется в Тарасконе тюр из нескольких кусков хлеба, размоченных в кипяченой воде и приправленных чесноком, тмином и лавровым листом. Режим был суров, и вы представляете себе, какие гримасы делал бедный Санчо...

К вареной воде, изгнавшей остальные блюда, Тартарен присоединил некоторые упражнения, долженствовавшие закалить его тело. Чтобы приучить себя к долгой ходьбе, он каж-

дое утро семь или восемь раз подряд обегал город, то ускоренным, то гимнастическим шагом, прижав локти к туловищу и держа два белых камушка во рту, как это делали древние.

Затем, чтобы приучить себя к ночной прохладе, к туманам и росе, он каждый вечер выходил в сад и оставался там, притаившись с ружьем за баобабом, до десяти или одиннадцати часов.

Наконец, в продолжение всего времени, пока зверинец Митэн оставался в Тарасконе, засидевшиеся у Костекальда охотники за фуражками, проходя через замковую площадь, видели в сумраке ночи таинственного человека, который прохаживался взад и вперед за балаганом.

То был Тартарен, приучавший себя слышать без трепета рычание льва в ночной темноте.

X.

Перед отъездом.

Пока Тартарен закалял себя таким образом с помощью всевозможных героических средств, взоры всего Тараскона были устремлены на него. Он заслонил собой все. Охота за фуражками была в забросе; романсы умоляли. Панино в аптеке Безюке томилось под зеленым чехлом, усеянным высохшими мухами... Экспедиция Тартарена остановила все.

Надо было видеть успех тарасконца в гостиных. Его вырывали друг у друга, оспаривали, занимали, похищали. Для дам не было большего счастья, как идти в зверинец Митэн под руку с Тартареном и слушать перед клеткой льва его рассказы об охоте на этих грозных хищников, — о том, куда надо целиться, на каком расстоянии, часто ли бывают несчастные случаи и т. д., и т. д.

Тартарен охотно давал всякие объяснения. Он прочел Жюля Жерара и изучил охоту на львов до тонкости; можно было подумать, что он всю жизнь занимался ею. Его рассказы отличались необыкновенной увлекательностью.

Но он был особенно хорош, по вечерам, у председателя суда Ладевэза или храброго командира Бравида, отставного начальника ротной швальни, когда после обеда подавали кофе и все, придвинув стулья к Тартарену, просили его рассказать о предстоящей охоте.

Облокотясь на скатерть и прихлебывая кофе, герой взволнованным голосом описывал опасности, которые ожидали его в Африке. Он говорил о долгих ночных засадах, о боютах, распространяющих заразу, о реках, отравленных олеандровыми листьями, о палящем зное, о горных снегах, скорпионах и тучах саранчи: он говорил также о нравах гигантских львов Атласа, о том, как они дерутся, об их чудовищной силе и свирепости во время течки...

Увлеченный своим собственным рассказом, Тартарен выскакивал из-за стола и, стоя посреди столовой, подражал рычанию льва, ружейным выстрелам: трах! тарарах! — свисту разрывной пули: пфф!.. пфф!.. жестикулировал, рычал, опрокидывал стулья...

Мужчины переглядывались, покачивая головами, дамы закрывали глаза, вскрикивая от страха, старики воинственно размахивали своими палками, а спавшие в соседней комнате детишки, разбуженные рычаньем и выстрелами, поднимали рев и просили зажечь лампу.

А пока-что Тартарен не уезжал.

XI.

**На шпагах, милостивые государи, на шпагах...
А не на шпильках!**

Думал ли он ехать, на самом деле?.. Щекотливый вопрос, на который историк Тартарена затрудняется ответить.

Прошло уж больше трех месяцев с тех пор, как зверинец Митэн покинул Тараскон, а истребитель львов все еще не двинулся с места.

Я допускаю, что герой, введенный в заблуждение новым миражем, воображал, что он уже побывал в Алжире; — под влиянием рассказов о предстоящей охоте на львов ему, может быть, представилось, что он уже охотился на них, и

он верил этому так же искренно, как и тому, что поднимал некогда консульское знамя и стрелял в татар: трах! тарарах!—в Шанхае.

К несчастью, если Тартарен был и на этот раз жертвой миража, то тарасконцы не были ею. Когда, по прошествии трех месяцев, увидели, что охотник на львов и не думает уезжать,—поднялся ропот.

— Это в роде Шанхая!—сказал, ехидно улыбаясь, Костекальд. Острота оружейника произвела фурор: никто больше не верил в Тартарена. Всех беспощаднее оказались наивные и трусливые люди в роде Безюкэ, которых блоха могла обратить в бегство, и которые стреляли не иначе, как зажмурив глаза. В клубе, на гуляньях,—всюду, они приставали к несчастному Тартарену с одним и тем же насмешливым вопросом:

— Когда же вы едете?

В лавке Костекальда его слова потеряли вес. Охотники за фуражками отrekliсь от своего вождя!

Вслед за этим появились эпиграммы. Председатель суда Ладевэз, пописывавший в часы досуга стишки на провансальском наречии, сочинил песенку, имевшую большой успех.

В ней шла речь о некоем великом охотнике Жервэ, страшное ружье которого должно было истребить всех до единого львов в Африке. Но, как на грех, это чертовское ружье имело стран-

ное свойство: его постоянно заряжали, но оно ни с места...

— Ни с места!—вы понимаете намек...

Эта песенка распространилась по городу с быстротой молнии; при появлении Тартарена грузчики на набережной и чистильщики сапог перед домиком с баобабом пели ее хором,—разумеется, на почтительном расстоянии от двойных мускулов.

О, непостоянство Тараскона!..

Великий человек притворялся, что ничего не видит и не слышит; но, на самом деле, эта мелкая война, эти нападения из-за угла глубоко огорчали его; он чувствовал, что Тараскон ускользает из его рук, что он теряет популярность, и это заставляло его жестоко страдать.

Несмотря на свои страдания, Тартарен улыбался и жил попрежнему, как будто ничего не случилось.

Иногда, впрочем, эта маска беззаботной веселости, которую он из гордости надел на себя, внезапно соскакивала, и тогда его лицо выражало гнев и печаль...

Так, однажды утром маленькие чистильщики сапог пели под его окнами песенку о ружье г-на Жервэ; голоса негодных ребятишек достигли слуха несчастного великого человека, который брился в это время перед зеркалом (Тартарен отпускал бороду, но подбривал ее, когда она делалась слишком велика).

Вдруг окно с треском распахнулось, и появился Тартарен в одной рубашке, с головой, повязанной платком, весь в мыльной пене, и закричал громовым голосом, потрясая бритвой и мыльницей:

— На шпагах, милостивые государи, на шпагах!.. а не на шпильках!

Прекрасные слова, которые могли бы стать историческими, если бы не были обращены к малышам, ростом не больше их ящиков с ваксой,—к джентельменам, совершенно неспособным держать в руках шпагу.

ХП.

Разговор в домике с баобабом.

Несмотря на повальную измену, армия осталась верна Тартарену.

Храбрый командир Бравида, отставной начальник ротной швалльни, относился к нему с прежним уважением.

— Это молодец!—упорно повторял он. И, конечно, его мнение значило не меньше болтовни какого-нибудь аптекаря Безюкэ... Храбрый командир ни разу не намекнул на путешествие в Африку; но, когда Тараскон слишком расшумелся, он решился заговорить.

Однажды вечером несчастный Тартарен сидел в своем кабинете, погруженный в невеселые размышления, как вдруг на пороге появил-

ся командир, с необычайно торжественным видом, в черных перчатках и наглухо застегнутом сюртуке.

— Тартарен,—сказал старый капитан тоном, не допускавшим возражения,—Тартарен, надо ехать!

И он остался на пороге, суровый и величественный, как воплощение долга.

Тартарен понял все, что заключалось в этом: «Тартарен, надо ехать!».

Он встал, бледный, как полотно, окинул нежным взором свой уютный кабинет, полный тепла и света, широкое удобное кресло, книги, ковер, белые занавески, за которыми дрожали ветви сада; потом подошел к храброму командиру, энергично потряс ему руку и со слезами в голосе, но тем не менее стоически произнес:

— Я поеду, Бравида!

И он, действительно, поехал,—но только, конечно, не сейчас же... Надо было раньше запастись всем необходимым.

Прежде всего он заказал Бомпару два больших, обитых медью, сундука, с длинными пластинками, на которых должна была быть выгравирована следующая надпись:

ТАРТАРЕН ИЗ ТАРАСКОНА

Ящик с оружием.

Обивка медью и надпись потребовали много времени. Тартарен заказал также Таставену великолепный дорожный альбом для дневника и путевых заметок: как ни увлекательна охота на львов, но нельзя же думать исключительно о ней.

Затем он выписал из Марсели целый ящик консервов, пеммикан в плитках для бульона, складную палатку новой конструкции, которую можно было сложить и разложить в одну минуту, охотничьи сапоги, два зонта, пальто и синие очки, чтобы предупредить воспаление глаз. Наконец, аптекарь Безюкэ составил для него походную аптечку; она была снабжена в изобилии липким пластырем, арникой, камфарой и уксусом.

Бедный Тартарен! Все это предназначалось не для него: с помощью всяких мер предосторожности и усиленных забот он надеялся утихомирить Тартарена-Санчо, который бушевал и днем, и ночью с тех пор, как был окончательно решен отъезд.

ХІІІ.

Отъезд.

Наконец, торжественный день, великий день наступил.

С рассвета весь Тараскон был на ногах. Народ толпился перед домиком с баобабом и заприужал Авиньонскую улицу.

Тарасконцы теснились у окон, влезали на крыши и деревья; тут были лодотники с Роны, грузчики, чистильщики сапог, торговцы, нави-вальщицы, ткачихи тафты, клуб,—словом, весь город; пришли также бокэрцы с того берега. с'ехались огородники со всей округи в повозках, виноделы на крепких мулах, разукрашенных лентами и бантами, с бубенцами и колокольчиками; изредка попадались даже красивые девушки из Арля, с голубыми лентами вокруг головы, приехавшие со своими поклонниками на темно-серых камаргских лошадках.

Вся эта толпа теснилась перед дверями Тартарена, уважаемого г-на Тартарена, который ехал к туркам убивать львов.

Алжир, Африка, Греция, Персия, Турция, Месопотамия,—все это представляется тарасконцам одной обширной, мало известной, почти мифической страной, населенной турками.

Среди этой толчеи появлялись и исчезали охотники за фуражками, гордые триумфом своего вождя; их провожали восторженные крики.

Перед домиком с баобабом—две больших тачки. По временам калитка отворяется, и тогда видно несколько человек, важно прохаживающихся по садику. Носильщики вытаскивают сундуки, ящики, мешки и укладывают все это на тачки.

При появлении каждого нового тюка по толпе пробегает трепет; выкрикивают названия различных предметов. «Это походная палатка!.. А это консервы... аптечка... ящики с оружием!..» Охотники за фуражками дают объяснения.

Вдруг около десяти часов утра толпа заволновалась: калитка отворилась настежь.

— Идет! Идет!..—загалдел народ.

Когда Тартарен появился на пороге, двойной крик недоумения огласил улицу:

— Турок!

— В очках!

Отправляясь в Алжир, Тартарен, действительно, счит нужным облечься в алжирский костюм. Белые полотняные шаровары, короткая куртка в обтяжку с металлическими пуговицами, широчайший красный пояс, голая шея, бритая голова, гигантская феска с голубой кистью, непомерной длины; кроме того, по тяжелому ружью на каждом плече, огромный охотничий нож за поясом, патронташ на животе, сбоку револьвер в кожаном кобуре... Таков был его наряд.

Виноват, — забыл упомянуть очки, пару огромных синих очков, которые несколько смягчали чересчур свирепый вид нашего героя.

— Да здравствует Тартарен!... Да здравствует Тартарен!—завопил народ.

Великий человек улыбнулся, но ружья ме-

шали ему поклониться. Впрочем, он знал теперь, как непрочна народная любовь; может быть даже в глубине души он проклинал своих жестоких сопраждан, заставивших его покинуть уютный домик с белыми стенами и зелеными ставнями...

Спокойный и гордый, хотя и бледный немножко, он вышел на улицу, оглядел тачки и убедившись, что все в порядке, твердым шагом направился на станцию железной дороги, даже не оглянувшись на домик с баобабом. За ним шел храбрый командир Бравида, отставной начальник ротной пивальни, председатель суда Ладевэз, оружейник Костекальд и все охотники за фуражками; вслед за ними двигались тачки и народ.

Перед вокзалом Тартарена ожидал начальник станции, — участвовавший в африканской кампании 30-го года; он горячо пожал ему руку.

Курьерский поезд из Парижа в Марсель еще не приходил. Тартарен вошел со своей свитой в зал первого класса. Во избежание давки начальник станции приказал запереть двери.

В продолжение четверти часа Тартарен прохаживался по зале, окруженный охотниками за фуражками. Он говорил о своем путешествии, об охоте на львов и раздавал направо и налево обещания присылать львиные шкуры, как будто речь шла о туре вальса.

Невозмутимый и кроткий, как Сократ в ту минуту, когда он осушал чашу с цикутой — неустрашимый тарасконец говорил со всеми, улыбаясь просто и задушевно; он точно хотел обворожить всех на прощанье и оставить о себе самые лучшие воспоминания. У охотников за фуражками выступали слезы на глазах, а у иных, — у Ладевеза, например, и аптекаря Бзюкэ — шевельнулось даже чувство раскаяния. Некоторые плакали в углу. Народ глядел на Тартарена через ограду и кричал:

— Да здравствует Тартарен!

Наконец, зазвонил колокольчик. Раздался грохот подходившего поезда, свист локомотива потряс своды.

— Прощайте, Тартарен!..

— Прощайте!.. — пробормотал великий человек, целуя в щеку храброго командира Бравида; в его лице он простился со своим милым Тарасконом.

Затем он бросился в вагон, битком набитый парижанками, которые чуть не померли со страху, увидя странного человека, обвешанного карабинами и револьверами.

XIV.

Марсельская гавань. — В путь.

1-го декабря 186... года, ровно в полдень, когда зимнее провансальское солнце все затоп-

ляло своим ослепительным светом, испуганные марсельцы увидели на Канебьерской улице необыкновенного турка, — такого они никогда еще не видали, хотя турок в Марсели хоть отбавляй.

Вы, конечно, догадываетесь, что турок этот был не кто иной, как Тартарен, великий Тартарен из Тараскона. Он шел по набережной с ящиками и оружием, аптечкой и консервами на пристань пароходного общества Туаш, чтобы сесть на пакебот «Зуав», который должен был отвезти его в Африку.

В его ушах еще гремели рукоплескания тарасконцев, и он шагал, опьяненный солнцем и запахом моря, гордо подняв голову, с сияющей физиономией и ружьями на плече, и глядел во все глаза на чудную марсельскую гавань, которую он видел в первый раз. Тартарен был ослеплен развертывавшимся перед ним зрелищем; ему казалось, что он видит все это во сне, что его зовут Синбад Мореходец, и что он блуждает по одному из сказочных городов «Тысячи и одной ночи».

Бесконечный лес мачт и рей, перекрещивающихся во всех направлениях. Флаги всех стран — русские, греческие, шведские, тунисские, американские... Корабли на одном уровне с набережной, бушприты, похожие на ряды штыков. А под ними наяды, богини, мадонны и другие деревянные изваяния, от которых суда

заимствуют свои названия; все это источено, изъедено морской водой, которая течет ручьями, и покрыто плесенью... Там и сям, между судами,—кусок моря, испещренного масляными пятнами, похожий на блестящую шелковую материю.. На реях тучи чаек, выделяющихся красивыми пятнами на голубом небе, и тысячи юнг, перекликающихся на всех языках.

На набережной, среди насыщенных маслом и содой ручьев темно-зеленой жижи из мыловаренных заводов, множество таможенных надсмотрщиков, комиссионеров и перевозчиков на маленьких корсиканских лошадках, запряженных в двуколки.

Какие-то необыкновенные магазины, закопченные бараки, в которых матросы варят пищу; торговцы трубками, обезьянами, попугаями, веревками, холстом для парусов; фантастические лавченки старьевщиков, в которых можно найти всякую всячину: допотопные пушки, огромные золоченые фонари, старые тали, сломанные якоря, ветхие снасти, ржавые блоки, флуоры, морские очки времен Жана Барта и Дюгюи-Труэна... Визгливые торговки ракушками... Матросы, снующие с горшками вара, с дымящимися котлами и большими корзинами, полными осьминогов, которых они моют в беловатой воде фонтанов.

Повсюду горы всевозможных товаров: шелк, минералы, дровяные склады, груды свинца,

сукна, сахар, сладкие рожки, полевая репа, лакрица, сахарный тростник. Смесь Востока и Запада. Опромные кучи голландских сыров, которые генуэзцы красят в красный цвет.

Дальше—хлебная пристань; грузчики сыплют зерно с высоких мостков;—падает поток расплавленного золота, окутанный облаком пыли. Люди в красных фесках просеивают хлеб сквозь большие сита из ослиной кожи и ссыпают его на телеги, которые удаляются в сопровождении женщин и детей с метелками и корзинами. А там доки, в которых лежат на боку огромные суда; их обжигают хворостом, чтобы очистить от водорослей; реи плавают в воде; пахнет резиной и не умолкает оглушительный стук плотников, которые набивают медные скрепы на корабельный кузов.

Кое-где между мачт образовывался просвет, и тогда Тартарен видел вход в гавань, вереницы прибывавших и отчаливавших судов,—нарядный, блестящий чистотой, английский фрегат с офицерами в желтых перчатках, шедший в Мальту, или большой марсельский бриг, отваливавший среди криков и ругани, с толстым капитаном на корме, в рединготе, и шелковой шляпе, отдававшим приказанья по-провансальски. Одни корабли убегают на всех парусах; вдали видны другие, освещенные солнцем,—они медленно подходят и точно плывут по воздуху.

Непрерывный грохот, стук телег, крики магросов, ругань, пение, свистки пароходов, преск барабанов и гуденье рожков на фортах св. Иоанна и св. Николая, перезвон церковных колоколов и завыванье мистралья, который подхватывает все эти звуки, перекачивает их, удесетеряет, смешивает со своим собственным голосом и образует безумную, дикую, героическую музыку,—точно гигантская труба зовет в путь, заживляя желание умчаться на край света, улететь на крыльях.

При громовых звуках этой трубы неустрашимый Тартарен сел на пароход, чтобы ехать в страну львов!..

Второй эпизод.

У ТУРОК.

I.

Переезд.—Пять положений фески.—Вечер на третий день.—Спасите!

Я хотел бы, дорогие читатели, быть художником и притом великим художником, чтобы нарисовать вам различные положения фески Тартарена из Тараскона в течение трехдневного переезда на «Зуаве» из Франции в Алжир.

Прежде всего, я изобразил бы героическую феску при отплытии, на палубе, когда она гордо красовалась на этой великолепной тарасконской голове. Затем, я показал бы ее вам при выходе из порта, когда «Зуав» запрыгал по волнам: она казалась удивленной и вздрагивала, как бы предчувствуя первые приступы болезни.

Потом, я изобразил бы, как она боролась с бурей, в ужасе выпрямляясь на черепе героя, и как топорщилась ее большая голубая кисть

в морском тумане, при шорывах крепчавшего ветра, когда судно начало выходить в Лионском заливе в открытое море, и качка усилилась... Четвертое положение: шесть часов вечера, в виду корсиканских берегов — несчастная феска свесилась через борт и беспомощно созерцает морские бездны... Наконец, пятое и последнее положение: что-то бесформенное и жалкое со стоном катается по подушке, в тесной каюте, на маленькой койке, похожей на ящик комода;—это феска, геройская феска, обратившаяся теперь в вульгарный ночной колпак, надвинутый на уши больного с бледным и искаженным лицом...

Ах! Если бы тарасконцы могли видеть великого Тартарена в то время, как он лежал в своем ящике комода, при тусклом и печальном свете, падавшем через окна каюты вдыхая вонь из кухни и запах мокрого дерева, отвратительный запах пакебота; если бы они слышали, как он хрипел при каждом ударе винта, поминутно требуя чая и браня лакея голосом маленького ребенка,—то раскаялись бы, что заставили его уехать... Даю слово,—слово историка, что бедный турок был жалок! Застигнутый морской болезнью врасплох, несчастный был не в силах расстегнуть алжирский пояс и освободиться от своего арсенала. Охотничий нож с огромной рукояткой давил ему прудь, кобур револьвера—ноги. В довершение всего Тар-

тарен-Санчо ворчал, стонал и ругался, не умолкая:

— Болван!.. Я говорил тебе!.. А! Ты хотел ехать в Африку!.. Вот тебе твоя Африка!.. Ну, что, хороша она!

Хуже всего было то, что сквозь стоны бедняга слышал из своей каюты, как пели, смеялись, ели и играли в карты пассажиры кают-компаний.

На «Зуаве» собралось многочисленное и веселое общество: офицеры алжирских полков, дамы из марсельского «Альказара», странствующие актеры, богатый мусульманин, возвращавшийся из Мекки, какой-то черноторский князь, — большой шутник, представлявший Равель и Жиль-Перэ... Ни у кого из них не было морской болезни, и они проводили время, попивая шампанское с капитаном «Зуава» Барбассу, толстым, весельчаком марсельцем, имевшим две семьи, — одну в Марсели, другую в Алжире.

Тартарен желал всем им провалиться сквозь землю. Их веселье удваивало его муки...

Наконец, на третий день, на пароходе началось вдруг необычайное движение; оно вывело нашего героя из оцепенения, в котором он находился столько времени. На носу звонил колокол. Раздавался топот тяжелых сапог матросов, бегавших по палубе.

— Вперед!.. Задний ход! — кричал сильный голос капитана Барбассу.

Затем: «Стоп!» Пароход сразу остановился, вздрогнул, и все затихло... Пакебот качался из стороны в сторону, как воздушный шар в воздухе...

Эта странная тишина привела Тартарена в ужас.

— Мы тонем! Спасите! — благим матом завопил он; силы вернулись к нему точно волшебством; и, соскочив с койки, он бросился на палубу со всем своим арсеналом.

II.

К оружию! К оружию!

Никто и не думал тонуть: «Зуав» только что вошел в порт, прекрасный, голубой порт с казавшейся черной водой, но молчаливый, угрюмый, почти пустынный. Напротив, на горе, белели бледно-матовые домики Алжира, тесной толпой сбегавшие к морю. На Медонском холме возвышалось здание прачечной. А над головой раскинулось небо, походившее на синий атлас.

Несколько оправившись от испуга, знаменитый Тартарен смотрел на эту картину, почти-тельно слушая стоявшего возле черногорского князя, который называл ему различные городские кварталы: Касбах, Верхний-Город, Баб-Азун. Этот черногорский князь был изысканно

любезен; к тому же он в совершенстве знал Алжир и бегло говорил по-арабски; Тартарен решил познакомиться с ним поближе.. Вдруг тарасконец увидел ряд огромных черных рук, впеченившихся снаружи в сетку борта, на который он облокотился с князем. Через секунду перед ним появилась курчавая голова негра, и прежде, чем он успел открыть рот, на палубу нахлынуло около сотни послутолых, черных и желтых разбойников, возбуждавших отвращение и ужас.

Тартарен знал этих разбойников... Это были они, пресловутые они, которых он так часто искал по ночам на улицах Тараскона. Наконец-то, они решились явиться.

Нападение было так неожиданно, что Тартарен остолбенел в первую минуту. Но когда герой увидел, что разбойники бросились к багажу, сорвали с него брезент и начали грабить корабль,— он воспрянул дуком, обнажил свой охотничий нож и с криком:

— К оружию! К оружию!—первым ринулся на пиратов.

— Что такое? В чем дело? Что с вами?—спрашивал капитан Барбассу, выходя из машинного отделения.

— А! Это вы, капитан! Скорее, вооружите своих людей!

— Зачем это?

— Но разве вы не видите?

— Что?

— Вот там... перед вами... пираты...

Капитан Барбассу глядел на него, разинув рот. В этот момент здоровенный негр пробежал мимо, с аптечкой героя на спине.

— Стой, негодяй!—заревел Тарасконец, бросаясь на него с кинжалом.

Барбассу поймал Тартарена на лету.

— Успокойтесь же, чорт возьми,—говорил он, держа его за пояс.—Это не пираты... Уже давно нет никаких пиратов... Это носильщики.

— Носильщики?

— Ну да! носильщики, явившиеся сюда / за багажом... Вложите же свой кинжал в ножны, отдайте мне билет и спускайтесь за этим негром, славным малым, который доставит вас на берег и даже проводит до гостиницы, если вам уютно.

Несколько сконфуженный Тартарен отдал свой билет и спустился вслед за негром по веревочной лестнице в большую лодку, плясавшую на волнах у парохода. Все его вещи—чемоданы, ящики с оружием и консервы—уже находились там, и так как они заняли всю лодку, то не пришлось ждать других пассажиров. Негр вскарабкался на чемоданы, как обезьяна, и уселся на корточках, обхватив колена руками. Другой негр взялся за весла... Оба они смотрели на Тартарена, смеясь и оскаливая белые зубы.

Стоя на корме с тем грозным выражением лица, которое приводило в трепет его сограждан, великий тарасконец лихорадочно теребил рукоять своего охотничьего ножа;—ибо, несмотря на слова Барбассу, он плохо верил в этих носильщиков, с кожей цвета черного дерева, так мало походивших на бравых носильщиков Тараскона.

Через пять минут лодка причалила к берегу, и Тартарен взошел на ту самую маленькую набережную варварской страны, на которой, триста лет тому назад, испанский галерный каторжник, по имени Мигуэль Сервантес, обдумывал—под ударами палки—свой великий роман: «Дон-Кихот Ламанчский».

III.

Обращение к Сервантесу.—Высадка.—Где же турки?—Нет турок.—Разочарование.

О, Мигуэль Сервантес Сааведра, если правда, что дух великих людей вечно блуждает и носится в воздухе в тех местах, где они некогда жили, то то, что осталось от тебя на варварском берегу, должно было встрепенуться от радости при виде высаживавшегося Тартарена, этого типичного француза-южанина, воплотившего в себе двух героев твоей книги—Дон-Кихота и Санчо-Пансу...

Был знойный день. На залитой солнцем набережной было мало народу: пять-шесть таможенных надсмотрщиков, кучка алжирцев, ожидавших новостей из Франции, несколько мавров, сидевших на корточках со своими длинными трубками, мальтийские матросы, вытаскивавшие невод; тысячи сардинок блестели в его петлях, как маленькие серебряные монеты.

Но едва Тартарен сошел на берег, как набережная оживилась, изменила свой вид. Орда дикарей, еще более противных, чем разбойники, грабившие судно, появилась вдруг на берегу между камней и ринулась на путешественника. Опрямные полуголые арабы в шерстяных одеялах, маленькие мавры в лохмотьях, негры, туниисцы, мзабиты, лакеи из гостиниц в белых фартуках—все с криком и ревом вцепились в его одежду, вырывая друг у друга его вещи.—один утаскивал консервы Тартарена, другой—аптечку, и забросали его на своем тарабарском наречии самыми невероятными названиями гостиниц.

Оглушенный всем этим гамом, бедняга метался, ругался, неистовствовал, бегал за своими вещами и, не зная языка этих варваров, пробовал говорить с ними по-французски, по-провансальски и даже по-латыни, на латинском языке Пурсоньяка: *rosa, bonus, bona, bonum*—все, что он знал... Но это ни к чему не

вело. Его не слушали... К счастью, какой-то человек небольшого роста, в плаще, с желтым воротником, вменялся, как бог Гомера, в свалку и разогнал весь этот сброд ударами палки. То был городской. Он очень вежливо посоветовал Тартарену остановиться в Европейской гостинице и передал его на попечение ее лакеев; те повели в нее тарасконца, взвалив его вещи на несколько тележек.

Тартарен шел по Алжиру и сам своим глазам не верил. Он ожидал увидеть волшебный, сказочный восточный город,— нечто среднее между Константинополем и Занзибаром... А попал в настоящий Тараскон... Кафе, рестораны, широкие улицы, четырехэтажные дома, небольшая площадь, вымощенная по системе Мак-Адама, где полковые музыканты играли польки Оффенбаха, мужчины, сидевшие за кружками шива, заедая его пирожным, дамы, несколько коюток, офицеры, — бесконечное множество офицеров... и ни одного турка,—кроме Тартарена.

Проходя через площадь, Тартарен чувствовал себя даже несколько неловко. Все смотрело на него. Полковые музыканты перестали играть, и полька Оффенбаха замерла в воздухе.

С двумя ружьями на плече и револьвером у пояса, грозный и величественный, как Робинзон Крузо, шествовал Тартарен среди толпы; но, как только он вошел в гостиницу, силы

оставили его. Отъезд из Тараскона, Марсель, переезд, черногорский князь, пираты, — все это перемешалось и перепуталось в его голове.

Тартарена пришлось внести в номер, разоружить и раздеть... Уже шла речь о том, чтобы послать за доктором, но едва герой очутился на подушке, как раздался такой могучий храп, что хозяин гостиницы счел врачебную помощь излишней, и все тихо удалились.

IV.

Первая засада.

На часах губернаторского дворца пробилло три, когда Тартарен проснулся. Он проспал вечер, ночь, утро и добрую половину дня: феска слишком много испытала за трое суток.

«Я в стране львов!» Это было первое, что подумал герой, открыв глаза, и... к чему таить правду? — при мысли, что львы тут, в двух шагах, почти рядом с ним, и что придется идти на них, — брр!.. дрожь пробежала по всему его телу, и он неустрашимо забился под одеяло.

Но через минуту веселый блеск дня, синее небо, солнце, затоплявшее комнату своими лучами, вкусный завтрак, открытое настежь окно, выходящее на море, — все это, орошенное бутылкой превосходного критского вина, не замедлило вернуть ему прежний героизм.

— На льва! на льва! — воскликнул Тарта-

рен, отбрасывая одеяло, и стал поспешно одеваться.

У него был такой план: выйти из города, никому не говоря ни слова, кинуться в пустыню, ждать наступления ночи, засесть в засаду и... бац! бац!—в первого же льва!.. Затем вернуться на другой день завтракать в Европейскую гостиницу, принять поздравления алжирских праздн и послать тележку за зверем.

Тартарен мигом вооружился, взвалил на спину складную палатку, огромная ручка которой торчала над его головой, и, непоколебимый, как скала, вышел на улицу. Боясь, как бы кто-нибудь не догадался об его намерениях, он, ни у кого не спрашивая дороги, круто повернул направо,—дошел до конца аркад Баб-Азуна, где тысячи алжирских евреев глядели на него из своих темных лавчонок, забившись в угол, как пауки,—пересек Театральную площадь, вошел в предместье и, наконец, очутился на пыльной Мустафской дороге.

Эта дорога была загромождена до невероятия. Омнибусы, фиакры, двуколки, фуры, огромные возы сена, запряженные быками, эскадроны африканских егерей, табуны крохотных ослов, негрятки, продававшие лепешки, повозки эльзасских переселенцев, туземные кавалеристы в красных плащах,—все это в облаках пыли, с криками, пением, гуденьем труб, двигалось между двумя рядами

дадут, — у дверей которых высокие магонки причесывали свои волосы, — кабаков, полных солдат, мясных лавок, живодерен...

«Вот так Восток!» подумал великий Тартарен: здесь меньше турок, чем даже в Марсели.

Вдруг он увидел великолепного верблюда, который прошел мимо, вытягивая свои длинные ноги и надувшись, как индейский петух. Сердце забилося у него сильнее.

Уже появились верблюды! — Значит, львы недалеко; и, действительно, через пять минут он увидел целую толпу охотников на львов с ружьями на плече.

«Труссы,—подумал наш герой, проходя мимо них:—труссы!—итти на льва целой оравой и с собаками!» Он не представлял себе, что в Алжире можно охотиться на что-нибудь другое, кроме львов. Но у этих охотников были добродушнейшие физиономии лавочников, возвращавшихся домой, и, кроме того, этот способ охоты на львов с собаками и ягдташами отзывался такой патриархальностью, что слегка заинтригованный тарасконец подошел к одному из них.

— Ну, что, товарищ, какова охота?

— Недурная,—отвечал тот, с испугом глядя на доспехи воина из Тараскона.

— Много убили?

— Да... порядочно... вот посмотрите. — И охотник из Алжира показал свой ягдташ, набитый кроликами и бекасами.

— Как!.. Вы их кладете в ягдташ?

— А куда же мне их класть?

— Так значит... они... они совсем маленькие...

— Всякие, — и маленькие и большие, — отвечал охотник и, так как торопился домой, то поспешил догнать товарищей.

Неустранимый Тартарен остался среди дороги, остолебнев от изумления... «Это просто хвастуны, — они ничего не убили», — решил он после минутного размышления и продолжал путь.

Между тем дома и прохожие попадались все реже и реже. Стало смеркаться; предметы принимали смутные очертания... Тартарен из Тараскона шел еще полчаса. Наконец, он остановился. Стало совсем темно. Наступила безлунная, звездная ночь. На шоссе не было ни души. Тем не менее герой сообразил, что львы не дилижансы и не разгуливают по большой дороге... Он свернул в поле... На каждом шагу попадались канавы, колючки, кустарник. Но он не обращал на них внимания и все шел вперед. Вдруг Тартарен остановился.

— Здесь пахнет львом, — сказал он, поводя носом по воздуху.

У.

Бац! Бац!

Это была необъятная дикая пустыня, заросшая причудливыми растениями, — растениями Востока, у которых вид ошетилившегося зверя. Во всех направлениях по земле расстилались их тени, казавшиеся огромными при тусклом свете звезд. Направо чернели горные громады, может быть, Атлас!.. Слева доносился глухой рокот невидимого моря... Тут было где разгуляться хищникам... Положив одно ружье перед собой и держа другое в руках, Тартарен опустился на одно колено и стал ждать... Он ждал час, два часа... Ничего!.. Тогда он вспомнил, что в его книгах великие охотники на львов всегда брали с собой козленка, которого привязывали в нескольких шагах от себя и заставляли блеять, дергая за веревку. За неимением козленка, тарасконец вздумал попытаться подражать ему и зеблеял по-козлиному: м-е-е!.. м-е-е!..

Сначала потихоньку, потому что в глубине души он все-таки побаивался, как бы его не услышал лев... Потом, видя, что никто не показывается, — громче: м-е-е!.. м-е-е!.. Опять громче!... Тогда, выведенный из терпения, Тартарен заревел с такою силой, что козленок превратился в быка.

Вдруг впереди, в нескольких шагах от него появилось что-то черное и опромное. Он умолк... Животное нагибалось, нюхало землю, каталось по ней, делало прыжки,—ускакало, затем вернулось снова и, наконец, остановилось, как вкопанное... То был лев, без сомнения... Теперь можно было ясно различить его четыре коротких лапы, лохматую гриву и большие, блестящие в темноте, глаза.

— Ружье на прицел!.. Бац! Бац! — Готово.—Затем прыжок назад с охотничьим ножом в руке.

Страшный рев раздался в ответ на выстрелы тарасконца.

— Ага!—вскричал Тартарен и приготовился встретить зверя; но тот был ранен сильнее, чем думал тарасконец, и с ревом пустился бежать во всю прыть... Но герой не двигался: он ждал самку... точь-в-точь, как в книгах! После двух-трех часов ожидания Тартарен почувствовал усталость. Земля была сырая; ночь становилась прохладной; с моря дул резкий ветер.

«Что же мне делать до утра?» подумал он и, во избежание ревматизма, решил воспользоваться походной палаткой... Но вот в чем загвоздка!—Эта палатка была устроена так хитро, так хитро, что ее невозможно было открыть.

Обливаясь потом, Тартарен провозился с ней целый час, — проклятая палатка не открывалась... Попадают зонты, которые в самый ли-

вень выкидывают такие же штуки. Измученный борьбой, тарасконец бросил палатку на землю и улегся на ней, ругаясь, как истый провансалец.

— Та, та, ра, та, тарата!..

— Что это?—воскликнул Тартарен, просыпаясь и вскакивая.

То были горнисты африканских егерей, трубившие зорю в Мустафских казармах... Охотник на львов в недоумении протер глаза... Он думал, что находится среди пустыни!.. а знаете, где он был?—на гряде артишоков, между цветной капустой и свеклой.

В его Сахаре росли овощи... Неподалеку, на красивом зеленом склоне Верхней Мустафы блестели обрызганные утренней росой белые алжирские виллы; можно было подумать, что находишься в окрестностях Марсели, среди ее дач и мыз.

При виде огорода и всего этого мирного пейзажа бедняга крайне удивился и пришел в самое скверное настроение.

«Эти люди с ума сошли,—подумал он:—сажать артишоки по соседству со львом!.. Не во сне же я все это видел... Сюда приходят львы... И вот доказательство»...

Доказательством служили кровавые пятна, которые зверь, убегая, оставил за собой. Наклонившись над этим кровавым следом, отважный тарасконец стал перебираться от артишока к

артишоке, озираясь и держа револьвер пготове, пока не добрался, наконец, до небольшого поля, засеянного овсом. Среди помятых колосьев виднелась лужа крови, в которой лежал на боку, с зияющей раной на голове... угадайте, кто?

— Ну, конечно, лев!..

— Нет!—Осел, один из тех маленьких осликов, которые так распространены в Алжире и известны там под названием буррико.

VI.

Самка. — Страшная битва. — Место свидания кроликов.

Когда Тартарен увидел свою несчастную жертву, то в первую минуту почувствовал досаду. И действительно,—осел так мало похож на льва... Затем героя охватила жалость: бедный буррико был такой хорошенечкий, и у него был предобродушный вид! Его еще теплые бока вздымались, как волна. Тартарен опустился на колени и попытался остановить несчастному животному кровь концом своего алжирского пояса.—Великий человек, ухаживающий за осликом,—что может быть трогательнее этого зрелища!..

При прикосновении пояса буррико, у которого оставалась еще капля жизни, открыл большой серый глаз, два или три раза взмахнул

своими длинными ушами, как бы говоря: спасибо! спасибо!... Затем последняя судорога пробежала по всему его телу, и он уж больше не пошевелинулся.

— Нуаро!.. Нуаро!..—раздался вдруг чей-то отчаянный вопль. В ту же минуту ветви соседнего кустарника задвигались... Тартарен едва успел векочить и приготовиться к защите... То была самка!

Она явилась в образе старой эльзаски в чепце, вооруженной большим красным зонтом и вопившей на всю Мустафу. И, конечно, Тартарену было бы лучше иметь дело с разъяренной львицей, чем с этой старушонкой.

Напрасно несчастный пытался растолковать ей, как все произошло, как он принял Нуаро за льва. Старуха подумала, что он издевается над нею, и бешено бросилась на героя с зонтом. Растерявшись, тот защищался, как мог, отражал удары карабином, потел, пыхтел и прыгал, крича:

— Позвольте, сударыня!.. Позвольте!..

Не тут-то было!—Старуха не слушала его и тузила изо всей мочи.

К счастью, на поле битвы прибыло третье лицо. То был муж эльзаски, — также эльзасец, — содержатель трактира, — и притом человек сильный в арифметике. Когда он увидел, с кем имеет дело, — убийца готов был заплатить

какую угодно цену за жертву,—то обезоружил свою супругу и вступил в мирные переговоры.

Тартарен заплатил двести франков; осел стоил не больше десяти,—такова обычная цена буррико на арабских рынках. Затем бедного Нуаро похоронили под финиковой пальмой, и эльзасец, придя в хорошее настроение при виде блестящих тарасконских дуру, пригласил героя закусить в его трактире, находившемся в нескольких шагах, на большой дороге.

Алжирские охотники каждое воскресенье заходят туда завтракать, так как равнина изобилует дичью, и на расстоянии двух лье от города нигде не водится столько кроликов.

— Ну, а как тут насчет львов?

Эльзасец вытаращил на него глаза:

— Львов?

— Да... львов... часто вы их видите?—повторил бедняга менее уверенным тоном.

Трактирщик расхохотался:

— Ну, уж удружили!.. Да откуда тут взяться львам?..

— Так, значит, в Алжире нет львов?..

— Право, я никогда их не видал, хотя живу здесь уж лет двадцать... Впрочем, я слышал что-то про них... и даже, кажется, читал в газетах... Но только это много дальше, там, на юге...

В этот момент они прибыли в трактир,—загородный трактир, вроде тех, какие можно

встретить в Ванве или Пантэне,—с засохшей веткой над дверью, нарисованными на стенах биллиардными киями и безобидной вывеской:

«Место свидания кроликов».

Место свидания кроликов!.. Какие воспоминания! О! Бравида!..

VII.

Омнибус, мавританка и четки из цветов жасмина.

Это первое приключение обескуражило бы многих, но такие закаленные люди, как Тартарен, не так-то легко сдаются.

— Львы на юге... Так я поеду на юг!—решил герой.

И, проглотив последний кусок, он встал, поблагодарил своего хозяина, поцеловал старуху, простив ей тумак, пролил последнюю слезу о бедном Нуаро и поснешил в Алжир с твердым намерением увязать свои чемоданы и в тот же день двинуться на юг.

К несчастью, большая Мустафская дорога показалась ему на этот раз длиннее, чем накануне: пыль поднималась столбом, солнце палило; к тому же походная палатка была чертовски тяжела!.. У Тартарена не хватило духу идти пешком до города,—он остановил первый же омнибус и сел в него.

Ах! Несчастный Тартарен из Тараскона!

Ради имени и славы ему лучше было бы не садиться в эту роковую колымагу и продолжать шуть пешком,—лучше было бы пасть мертвым под тяжестью раскаленной атмосферы, походной палатки и двуствольных винтовок...

Омнибус был полон. В углу сидел, уткнувшись в свой трезник, алжирский мулла с большой черной бородой; напротив—молодой купец мавр, журивший толстые папиросы: ватем мальтийский матрос и четыре или пять мавританок в надвинутых на лицо белых покрывалах, из-под которых были видны только глаза. Они ездили молиться на кладбище Абд-эль-Кадер, но незаметно было, чтобы эта поездка особенно их опечалила.

Они смеялись и без умолку болтали между собой, кутаясь в свои покрывала и грызя конфеты.

Тартарену показалось, что они часто посматривают на него,—особенно одна, сидевшая как раз напротив;—всю дорогу она не сводила с него глаз. Хотя мавританка была закутана в покрывало, но живость этих больших черных глаз, подкрашенных по краям, тонкое очаровательное запястье руки, отягченное золотыми браслетами, звук ее голоса, грациозные, почти детские движения головы,—все говорило, что там кроется что-то юное, красивое и обаятельное... Несчастный Тартарен не знал, куда деваться. Немая ласка этих пре-

красных восточных глаз смущала и волновала его; у него кружилась голова; его бросало то в жар, то в холод...

А тут еще в дело вмешалась туфелька мавританки; он чувствовал, что ее туфелька бежит по его опромытым охотничьим сапогам, бежит и вздрагивает, как маленькая красная мышка... Что делать? Отвечать на этот взгляд, на это прикосновение! Да, но последствия... Любовная интрига на Востоке,—ведь это нечто ужасное... Наделенный романтическим южным воображением, бравый тарасконец уже видел себя в руках евнухов обезглавленным или даже зашитым в кожаный мешок и брошенным в море с отрубленной головой. Это несколько охладило его пыл... А между тем маленькая туфелька продолжала заигрывать с ним, а глаза напротив тянулись к нему, как два черных бархатных цветка и, казалось, говорили:

— Сорви нас!

Омнибус остановился на Театральной площади против улицы Баб-Азун. Мавританки стали выходить одна за другой, шутаясь в своих шароварах и с дикой грацией прижимая к себе покрывала. Соседка Тартарена встала последней и при этом наклонилась к нему так близко, что обдала его своим дыханием, от которого веяло молодостью, жасмином, мускусом и конфетами.

Тарасконец не выдержал: опьянев от любви и готовый на все, он бросился за мавританкой... Услыша прохот его аммунции, она обернулась, приложила палец к губам, а другой рукой быстро бросила ему маленькие душистые четки из цветов жасмина. Тартарен нагнулся, чтобы поднять их; но так как наш герой был несколько гружен и обвешан оружием, то это потребовало довольно много времени..

Когда он поднялся, прижимая четки к сердцу, мавританки уж и след простыл.

УШ.

Львы Атласа, спите!

Львы Атласа, спите! Спите спокойно в своих логовищах, среди диких кактусов и алоэ... До поры до времени Тартарен из Тараскона не будет вас истреблять. Все его боевые снаряды,—ящички с оружием, аптечка, походная шалатка, консервы мирно покоятся в Европейской гостинице, в углу 36-го номера.

Спите же без страха, рыжие пиганты! Тарасконец ищет свою мавританку! После приключения в омнибусе несчастному постоянно чудилось, что по его ноге, опромной ноге охотника за львами, бегают маленькая красная мышка; а дувший с моря ветерок всегда приносил с собой запах, от которого замирало его сердце,—запах конфет и аниса.

Тартарену не доставало Мограбины!

Но не так-то просто было найти в столыянском городе женщину по таким приметам, как дыхание, туфли и цвет глаз; и лишь обезумевший от любви тарасконец способен на такое предприятие.

Хуже всего было то, что в своих длинных белых покрывалах все мавританки похожи друг на друга; кроме того, эти дамы почти не выходят, и, чтобы видеть их, надо идти в верхний город, населенный арабами,—в город турок.

Настраивший разбойничий притон этот верхний город: узкие темные переулки карабкаются на вершину горы между двумя рядами таинственных домов, крыши которых сходятся и образуют туннель; низкие двери, немые и печальные крошечные окна с решетками, а направо и налево кучи темных лавчонок, где свирепые турки, с головами разбойников—с блестящими зубами и белками глаз—курят длинные трубки и как будто замышляют что-то недоброе, тихо разговаривая между собой.

Утверждать, что наш Тартарен проходил через этот страшный город без волнения,—значило бы лгать; наоборот, герой очень волновался и подвигался вперед по этим темным узким переулкам, в которых едва помещался его огромный живот, не иначе, как с величайшими предосторожностями, озираясь по сторо-

нам и держа палец на курке револьвера.— Точь-в-точь, как в Тарасконе, по дороге в клуб. Каждую минуту он ожидал нападения сзади евнухов и янычар, но желание увидеть свою мавританку придавало ему отвагу и силы тиганта. Целую неделю неустрашимый Тартарен не покидал верхний город. Он то торчал перед мавританскими банями, ожидая женщин, которые выходили толпами, обдавая запахом бани и вдрагивая; то сидел на корточках у дверей мечети, потев и пыхтя над своими сапожищами прежде, чем войти в храм.

Иногда, возвращаясь поздно вечером с горечью в сердце после бесплодных поисков в банях и мечети, тарасконец слышал, проходя мимо мавританских домов, монотонные песни, неясные звуки титары и бубна и тихий женский смех, от которого его сердце билось сильнее.

«Может быть, это она!» думал он и, если на улице никого не было, приближался к одному из домов, поднимал тяжелый молоток, висевший у входа, и робко стучал... Пение и смех тотчас же умолкали; за стеной начинали шептаться.

«Не надо отчаиваться!—думал герой.—Я добьюсь своего!»

Чаще всего он добивался того, что ему выливали на голову горшок холодной воды или же

швыряли в него апельсинные корки и кожуру берберийских фиг,—никогда ничего более существенного.

Львы Атласа, спите!

IX.

Черногорский князь Григорий.

Две долгих недели искал бедный Тартарен свою мавританку и, наверное, искал бы ее и поныне, если бы бог любви не явился к нему на помощь в образе черногорского вельможи.

Дело было так.

Зимой каждую субботу в алжирском Большом театре устраивается маскарад,—совсем как в парижской опере.

Это обычный пошлый провинциальный маскарад. В зале мало народу: отбросы Булье и Казино, певички легкого поведения, следующие за армией, маскарадные завсегдатаи, истасканные франты и пять-шесть туземных прачек, которые бросаются на шею первому встречному, но сохраняют от прежней добродетельной жизни запах чесноку и шафранного соуса... Самое интересное—не здесь, а в фойе, преобразованном в иорданскую... Разношерстная толпа с лихорадочно горящими глазами теснится вокруг длинных зеленых столов: тюркосы в отпуску, ставящие взятые взаймы су, торговцы-мавры из верхнего города, негры, мальтийцы,

колонисты, прошедшие сорок лье, чтобы поставить на карту шлуг или пару быков,—вс. бледные, дрожащие, со стиснутыми зубами и совершенно особенным, мутным, косящим взглядом игрока, прикованным к намеченной карте.

Дальше целые таборы алжирских евреев, играющих семьями. Мужчины в восточных одеждах, безобразных толстых чулках и бархатных фуражках. Пухлые бледные женщины, одеревеневшие в своих узких, расшитых золотом корсажах... Обступив столы, все они визжат, советуются между собой, считают по пальцам, но играют мало... От времени до времени, после долгих совещаний, от них отделяется какой-нибудь патриарх с длинной бородой и ставит семейное дуло... И в продолжение всей партии блещут их устремленные на стол глаза, которые, как магнит, заставляют вздрагивать золотые монеты на сукне и, в конце-концов, незаметно притягивают их к себе, точно за невидимую нить...

Осоры, драки, ругательства всех стран, бешеные крики на всех языках, пропажа денег и полиция!..

Как-то раз вечером великий Тартарен пришел забыться среди этой вакханалии.

Герой бродил среди толпы один-одиошенек, как вдруг у одного из игорных столов зашпорили два голоса, заглушая звон золота.

— Я вам говорю, что у меня пропало двадцать франков!..

— Милостивый государь!..

— Ну?..

— Знаете ли вы, с кем вы говорите?

— Любопытно!..

— Я—князь Григорий Черногорский!..

Услыша это имя, взволнованный Тартарен протискался сквозь толпу и стал в первом ряду, довольный и тордый тем, что снова встретил своего князя, оборотистого черногорского князя, с которым завязал знакомство на пакеботе...

К сожалению, княжеский титул, ослепивший простодушного тарасконца, не произвел ни малейшего впечатления на егерского офицера, с которым сцепился князь.

— Ого! Важная птица!—насмешливо заметил тот и крикнул, обернувшись к галлерее:— Князь Григорий Черногорский... кто знает такого?... Никто!

Тартарен в негодовании сделал шаг вперед.

— Виноват... я знаю князя!—произнес он весьма решительно, с сильнейшим тарасконским акцентом.

Офицер огладел Тартарена с головы до ног и сказал, пожимая плечами:

— Хорошо!.. В таком случае, разделите между собой эти двадцать франков и убирайтесь к черту!

Затем он повернулся и исчез в толпе.

Тартарен вспыхнул и хотел было броситься за ним, но князь удержал его:

— Оставьте,—я сам с ним разделаюсь!

И, взяв Тартарена под руку, он поспешил увести его из театра.

Как только они очутились на площади, князь Григорий Черноторский снял шляпу, протянул руку нашему герою и, стараясь припомнить его фамилию, начал дрожащим голосом:

— Господи Барбарен...

— Тартарен,—робко поправил тот.

— Тартарен, Барбарен,—это безразлично... Мы теперь друзья до гробовой доски!

И благородный черноторец неистово потряс ему руку... Можете себе представить, как польщен был тарасконец...

— Князь!.. Князь!..—восторженно повторял он.

Через четверть часа они уже сидели в ресторане Платанов,—веселом ночном ресторане с террасами, спускающимися к морю, и здесь, за острым русским салатом и добрым критским вином, было возобновлено знакомство.

Вы не можете себе представить ничего обворожительнее этого черноторского князя: маленький, тоненький, гладко выбритый, с курчавыми, слегка завитыми волосами, сиявший какими-то необыкновенными орденами, с лукавым взглядом, вкрадчивыми жестами и лег-

ким итальянским акцентом,—он походил на Мазарини без усов; к тому же, князь был очень силен в латинском языке и по всякому поводу цитировал Тацита, Горация и Комментарии.

Он принадлежал, по его словам, к древней династии, но был изгнан братьями десяти лет от роду, за свои либеральные убеждения и с тех пор скитался по свету, как истинный философ, из любознательности и ради удовольствия... Замечательное совпадение!—Князь провел три года в Тарасконе. Тартарен выразил удивление, что никогда не встречал его ни в клубе, ни на Эспланаде.

— Я почти не выходил,—отвечал его высочество уклончиво.

Из скромности тарасконец не стал задавать ему дальнейших вопросов: в жизни сильных мира всегда столько таинственного!

Пригорий Черногорский оказался милейшим из принцев. Попивая розовое критское вино, он терпеливо выслушал рассказ Тартарена об его мавританке и даже взялся вскоре найти ее, так как знал всех алжирских дам.

Пили много и долго. Провозглашали тосты за алжирок, за свободную Черногорию...

А внизу, у подножья террасы, рокотало море, и невидимые волны с плеском набегали на берег. Воздух был тепел; небо усеяно звездами.

Под платанами пел соловей...

По счету заплатил Тартарен.

Х.

Скажи мне имя твоего отца, и я скажу тебе название этого цветка.

Молодцы эти черногорские князья!

Рано утром, на другой день после этой ночной пирушки под Платанами, князь Григорий был уже в комнате тарасконца.

— Одевайтесь скорее!.. Ваша мавританка найдена... Ее зовут Байя... Двадцать лет, хороша, как роза, и уже вдова.

— Вдова!.. Великолепно!—воскликнул храбрый Тартарен, побаивавшийся мужей Востока.

— Да, но от нее ни на шаг не отходит брат.

— А! Чорт возьми!

— Свиристый мавр, торговец чубуками на Орлеанском базаре...

Пауза.

— Ну, кто другой, а вы не испугаетесь таких пустяков; к тому же, разбойник, может быть, смягчится, если купить у него несколько чубуков... Одевайтесь же скорее!.. Вам везет, чорт возьми!

Влюбленный тарасконец вскочил со своей кровати бледный, взволнованный и начал торопливо застегивать свои необъятные фланелевые кальсоны.

— Что же мне делать?

— Просто-на-просто написать мавританке и попросить ее назначить вам свидание.

— Так она понимает по-французски! — с разочарованным видом воскликнул наивный тарасконец, мечтавший о Востоке без всякой подмеси.

— Ни слова, — невозмутимо отвечал князь, — но вы продиктуете мне письмо, а я переведу его, как сумею.

— О, как вы добры, князь!

И тарасконец принялся шатать взад и вперед по комнате, молчаливый и сосредоточенный.

— Вы, конечно, понимаете, что алжирской мавританке князь писать, как какой-нибудь бокерской швее. К счастью, наш герой был очень начитан и мог сочинить письмо в чисто восточном вкусе; оно представляло смесь красноречия индейцев Густава Эмара, фраз из Путешествия на Восток Ламартина и уцелевших в его памяти отрывков из Песни Песней и начиналось так:

Как страус в пустыне...
а оканчивалось изречением:

Скажи мне имя твоего отца, и я скажу тебе название этого цветка.

Романтически настроенный Тартарен хотел, по восточному обычаю, присоединить к этому посланию букет эмблематических цветов; но князь Григорий находил, что гораздо лучше

купить несколько чубуков у брата мавританки, что приведет в хорошее настроение этого дикаря и, несомненно, доставит большое удовольствие вдовушке, которая любит покурить.

— Идемте же скорее покупать чубуки!—с жаром воскликнул тарасконец.

— Нет!.. нет!.. Предоставьте это мне! Я куплю их дешевле...

— Как! Вы сами... О, князь... князь!—и добряк протянул свой кошелек обязательному черногогорцу, прося его не останавливаться ни перед какими расходами, лишь бы только мавританка была довольна.

Хотя дело пошло на лад, но все же подвигалось медленнее, чем можно было ожидать. Тронутая красноречием и щедростью Тартарена, мавританка была уже почти побеждена и готова принять его; но надо было усыпить бдительность брата и для этого покупать дюжины, сотни,—целые тюки чубуков.

— На кой чорт Байе все эти чубуки?—спрашивал иногда себя бедняга, но беспрекословно вынимал кошелек.

Наконец, после того, как были куплены горы чубаков, и исписаны вороха бумаги поэтическими посланиями в восточном вкусе, Тартарен добился свидания.

Я не буду говорить о том, с каким волнением готовился к нему тарасконец, как тщательно он подстригал, помадил, душил свою

жесткую бороду охотника за фуражками и как сунул—на всякий случай—в карман кастет с шипами и два-три револьвера.

Князь был так любезен, что пошел на это первое свидание в качестве переводчика. Мавританка жила в верхнем городе. Перед дверью ее дома, молодой мавр, 13—14 лет; курил папиросы. Это и был пресловутый Али, предполагаемый брат красавицы. Увидя гостей, он постучал в дверь и скромно удалился.

Дверь открылась. Появилась неприятанка и, молча, провела их через узкий внутренний двор в небольшую прохладную комнату, где, полулежа на низкой кровати, их ожидала вдовушка... С первого взгляда она показалась тарасконцу меньше ростом и полнее, чем его мавританка... У него шевельнулось подозрение, но он поспешил отогнать его.

Мавританка была очаровательна; из-под платья выглядывали ее голые ножки; пухлые пальчики были унизаны перстнями; вся она была нежная, розовая, соблазнительная, с округленными формами, вырисовывавшимися под ее золотистым корсажем и пестрой юбкой...

Она держала во рту янтарный мундштук кальяна, обволакивавшего ее облаком дыма.

Войдя, тарасконец прижал руку к сердцу и по-мавритански отвесил низкий поклон, страстно вращая глазами...

Байя, молча, взглянула на него, уронила

мундштук, упала навзничь и закрыла лицо руками; теперь была видна только ее белая, как жемчуг, шея, вздрагивавшая от безумного хохота.

XI.

Сиди Тартри-бен-Тартри.

Если вы зайдете вечером в какую-нибудь алжирскую кофейню верхнего города, то и теперь еще можете услышать, сопровождаемые подмигиваниями и усмешечками, рассказы мавров о некоем Сиди Тартри-бен-Тартри, гостеприимном и богатом европейце, который жил несколько лет тому назад в верхних кварталах с туземной дамочкой, по имени Байя.

Вы, конечно, догадываетесь, что оставивший такие веселые воспоминания Сиди Тартри был не кто иной, как—наш Тартарен.

Что делать!—в жизни героев и святых бывают минуты ослепления и падения. Знаменитый тарасконец был, как и все другие, подвержен человеческим слабостям, и вот почему, забыв о львах и славе, он в продолжение двух месяцев ушивался восточной любовью и предавался неге в Белом Алжире, как Аннибал в Капуа.

Великий человек нанял в самом центре верхнего города красивый арабский домик с внутренним двором, бананами, прохладными веран-

дами и фонтанами. Тартарен жил там вдали от всякой суеты со своей мавританкой, сам превратившись в мавра с головы до ног: по целым дням он курил кальян и ел варенья, приправленные мускусом.

Лежа против него на диване, Байя напевала монотонные песни под аккомпанимент гитары или же исполняла танец живота, чтобы развлечь своего господина, кокетливо улыбаясь перед зеркалом, которое она держала в руке.

Так как мавританка не понимала ни слова по-французски, а Тартарен не говорил по-арабски, то их беседы становились иногда несколько утомительными, и любивший посудачить тарасконец мог теперь на досуге покаяться во всех грехах, учиненных им, благодаря неумеренной болтовне в аптеке Безюкэ и у оружейника Костекальда.

Но даже это вынужденное молчание имело свою прелесть; и Тартарен пребывал в каком-то сладком забытье, слушая бульканье кальяна, звон гитары и тихий плеск фонтана в вымощенном мозаикой дворе.

Кальян, баня и любовь наполняли всю его жизнь. Он почти никуда не выходил. Иногда только Сиди Тартри, посадив сзади себя мавританку, отправлялся на муле полакомиться гранатами в садик, купленный им в окрестностях Алжира... Но никогда, ни единого разу, он не

спускался в европейскую часть города;—этот Алжир кутящих зуавов, кафе-шантанов, набитых офицерами, и сабель, вечно прохочущих по мостовым под аркадами, казался ему омерзительным и безобразным,—напоминал гауптвахту Запада.

В общем, тарасконец был очень счастлив; в особенности Тартарен-Санчо, которому пришились по вкусу турецкие сласти, был, как нельзя более, доволен своею новой жизнью. Тартарен-Дон-Кихот, чувствовал, правда, по временам некоторые угрызения совести, вспоминая о Тарасконе и об обобщанных шкурах... Но достаточно было взгляда Байи или ложки этого чертовского варенья, которое благоухало и опьяняло, как волшебный напиток Цирцей,—и все мрачные мысли тотчас же исчезали.

По вечерам князь Григорий заходил поговорить о свободной Черногории... Его любезность не знала границ, и он выполнял в доме функции переводчика, а при случае даже интенданта, — и все это совершенно бесплатно, разумеется. Кроме него у Тартарена бывали только турки. Все эти разбойники со свирепыми лицами, приводившие его недавно в такой ужас в своих темных лавчонках,—оказались, когда он познакомился с ними поближе, добродушными и безобидными купцами, золотошвеями, торговцами бакалейными товарами, мундштучниками,—все они были люди благовоспитанные,

подобострастные, себе на уме, молчаливые и большие мастера играть в карты.

Они приходили к Сиди Тартри чуть не каждый вечер, обыгрывали его, поедали варенья и ровно в десять часов скромно удалялись, славя пророка.

Проводив гостей, Сиди Тартри и его верная супруга просиживали остаток вечера на плоской кровле своего дома, служившей террасой и царившей над городом. Кругом тысячи таких же белых террас дремали при лунном свете, уступами спускаясь к морю. Ветерок приносил аккорды гитар...

Вдруг раздавалась величавая, чудная песнь и неслась ввышину, рассыпаясь букетом из звезд, и на минарете соседней мечети появлялся красавец муэдзин; его белая фигура отчетливо выделялась на темно-синем фоне неба, и он воссылал хвалу Аллаху чудным голосом, далеко разносившимся кругом.

Байя тотчас же выпускала из рук гитару; ее большие, устремленные на муэдзина глаза, казалось, с упоением впивали слова молитвы, и она дрожала в экстазе, как святая Тереза Востока. Тартарен глядел на нее, потрясенный, и думал о красоте и величии религии, способной доводить своих последователей до такого самозабвения.

Тараскон, посыпав пеплом голову!... Твой Тартарен готов сделаться ренегатом.

ХП.

Нам сообщают из Тараскона.

Однажды Сиди Тартри возвращался верхом на муле из своего сада; был прекрасный день; на небе ни облачка; дул теплый ветерок. Он ехал по очаровательной местности, сидя на плетеных сумках, набитых арбузами и лимонами; убаюканный позвякиванием стремян, Тартарен покачивался на ходу всем телом, сложив руки на животе и погрузившись в блаженную дремоту.

Вдруг чей-то оглушительный голос разбудил его при въезде в город.

— Что за чертовщина! Да это, кажется, Тартарен!

Услыша свою фамилию и веселый провансальский говор, тарасконец поднял голову и увидел в двух шагах от себя заторелую физиономию Барбассу, бравого капитана «З у а в а», который пил абсент, покуривая трубку на пороге какого-то кабачка.

— Мое почтение,—сказал Тартарен, останавливая мула.

Барбассу, молча, смотрел на него с минуту, вытаращив глаза, и потом принялся хохотать, хохотать так, что Сиди Тартри совсем ошел.

— Вот так чалма!.. Так это правда, господин Тартарен, что вы стали турком?.. А что

маленькая Байя попрежнему поет Прекрасную Марко?

Тартарен вскипел:

— Прекрасную Марко?—Знайте, капитан, что особа, о которой вы говорите,—честная мавританская девушка и не знает ни слова по-французски!..

— Байя не знает ни слова по-французски?.. Откуда вы это взяли?..

И бравый капитан захохотал еще громче.

Но, видя, как вытягивается лицо бедного Сиди Тартри, он сказал:

— Впрочем, может быть, это не та... Может быть, я смешал... Но только, знаете, господин Тартарен, вы бы лучше поменьше доверяли алжирским мавританкам и черногорским князьям!

Тартарен с угрожающим видом привстал на стременах.

— Князь—мой друг, капитан!

— Ладно! Ладно! Не будем ссориться... Не хотите ли абсента? Нет. Может быть, передать что-нибудь на родину?.. Тоже нет?.. Ну, в таком случае, счастливого пути... Кстати, земляк, у меня есть тут славный французский табак,—не хотите ли взять на несколько трубок?.. Берите же!.. берите! Он пойдет вам на пользу... Это проклятый восточный табак сбил вас с панталыку!..

Вслед за тем капитан вернулся к своему

абсенту, а Тартарен, в глубокой задумчивости, затрусил мелкой рысцой к своему домику... Хотя его великая душа отказывалась верить инсинуациям Барбассу, но они огорчили его, и кроме того, эти провансальские ругательства и южный акцент пробудили в нем смутные угрызения совести.

Дома он не застал никого. Байя пошла в баню... Негритянка показалась ему безобразной, дом нагонял тоску... В самом отвратительном настроении Тартарен уселся у фонтана и начал набивать трубку табаком Барбассу. Этот табак был завернут в обрывок Семафора. Когда он развертывал его, ему бросилось в глаза название родного города.

Н а м с о о б щ а ю т и з Т а р а с к о н а .

Город—в сильнейшей тревоге. Тартарен,—истребитель львов, отправившийся охотиться на грозных хищников Африки,—уже несколько месяцев ничего не сообщает о себе... Что стало с нашим героическим соотечественником?... Зная его горячую голову, его отвагу и жажду приключений, мы едва осмеливаемся спрашивать себя об этом... Увеличил ли он список жертв, поглощенных песками пустыни, или же пал, растерзанный клыками одного из кровожадных чудовищ Африки, шкуры которых он обещал муниципалитету?... Ужасная неиз-

вестность! Негритянские купцы, прибывшие на Бокерскую ярмарку, утверждают, однако, что встретили в пустыне европейца, шедшего по направлению к Томбукту и очень похожего, судя по их описанию, на нашего Тартарена... Да хранит его Бог!..

Прочтя эти строки, тарасконец вздрогнул и покраснел; потом побледнел, как полотно. Весь Тараскон предстал перед ним: клуб, охотники за фуражками, кресло у Костекальда и парившие над всем этим, как орел с распростертыми крыльями, усищи командира Бравида.

Его сограждане думают, что он истребляет львов, а он позорно сидит здесь на цыновке!— Великий человек устыдился самого себя и заплакал.

Вдруг герой вскочил:

— На льва! На льва!

И, бросившись в пыльный чулан, где мирно почивали палатка, аптечка, консервы и ящик с оружием, он вытащил их на середину двора.

Тартарен-Санчо исчез; остался лишь Тартарен Дон-Кихот.

Едва неустрашимый тарасконец успел осмотреть боевые снаряды, одеться вороньим пугалом, натянуть свои сапожищи, написать два слова князю, которому он поручил Байю, вложив в конверт несколько стофранковых бумажек, смоченных слезами, как он уже катил в

дилижансе по Бландахской дороге, оставив в своем домике изумленную негритянку перед кальяном, чалмой, туфлями и прочим мусульманским одеянием Сиди Тартри, валявшимся под белыми трилистниками галлерей.

Третий эпизод.

У ЛЬВОВ.

I.

Ссылные дилижансы.

То был допотопный дилижанс, обитый по-старинному голубым, выцветшим толстым сукном, с жесткими шерстяными помпонами, которые после нескольких часов пути натирали вам спину до синяков... Тартарен из Тараскона занимал угол в заднем отделении и расположился там с полным комфортом. В ожидании того момента, когда повеет мускусом от хищников Африки, герой принужден был довольствоваться вонью старого дилижанса, представлявшей причудливую смесь всевозможных запахов, исходивших от мужчин, лошадей, женщин, кожи, съестных припасов и заплесневелой соломы.

В этом отделении было всего понемногу: траппист, купцы евреи, две кокотки, догонявшие свой полк, — 3-й гусарский, фотограф из Орлеанвиля... Но, как ни мила и разнообразна

была эта компания, тарасконцу было не до разговоров; он сидел, задумавшись, с перевязью через плечо и карабинами между колен... Поспешный отъезд, черные глаза Байи, страшная охота, на которую он отправлялся,—все это производило порядочный кавардак в его голове; а, кроме того, этот европейский дилижанс, очутившийся в Африке, смутно напоминал Тартарену своим патриархальным видом Тараскон дней его юности, поездки за город, завтраки на берегу Роны,—вызывал целый ряд воспоминаний.

Смерклося. Кондуктор зажег фонари... Заржавевший дилижанс скрипел, подпрыгивая на старых рессорах; лошади бежали рысью; бубенцы позвякивали. По временам, наверху, под чехлом империаля раздавался оглушительный лязг... То были боевые снаряды героя.

Уже начавший клевать носом Тартарен в последний раз взглянул на пассажиров, забавно подпрыгивавших от толчков и походивших на смешные, пляшущие тени; затем глаза его сомкнулись, мысли спутались, и он лишь смутно слышал сквозь сон, как стонали оси колес и жалобно поскрипывали стенки дилижанса...

Вдруг чей-то голос, голос старой феи,—надорванный, шамкающий, осипший назвал тарасконца по имени:

— Тартарен! Тартарен!

— Кто меня зовет?

— Это я, господин Тартарен; разве вы меня не узнаете?.. Я—старый дилижанс, ходивший двадцать лет тому назад между Тарасконом и Нимом... Сколько раз я возил вас, вас и ваших друзей, на охоту за фуражками к Жонкьеру и Бельгару!.. Сначала, благодаря вашей турецкой феске и толщине, я не узнал вас, но, как только вы захрапели, я, чорт возьми, тотчас же догадался, что это вы!

— Ладно! Ладно!—отвечал слегка раздосадованный тарасконец и затем спросил, смягчившись:—Как же вы сюда попали, старина?

— Ах, дорогой господин Тартарен, я попал сюда не по своей воле, уверяю вас... Как только была окончена Бокерская железная дорога, они нашли, что я никуда не годен более и отправили меня в Африку.. и не одного меня! Почти все французские дилижансы отправлены в ссылку, как и я. Нас нашли слишком реакционными, и вот теперь всем нам приходится вести здесь жизнь галерных каторжников... Во Франции вы называете это алжирскими железными дорогами.

Тут старый дилижанс тяжело вздохнул и снова заговорил:

— Ах, господин Тартарен, как тоскую я о своем прекрасном Тарасконе! Славное это было времячко,—я был молод тогда. Надо было видеть меня, когда я отходил по утрам чисто-на-чисто вымытый, блестящий, с заново покры-

тыми лаком колесами, с фонарями, походившими на два солнца, и всегда промасленным чехлом! Можно было залюбоваться, когда кучер щелкал бичом, а кондуктор, с рожком на перевязи, в фуражке с позументом набекрень, швырял свою всегда разъяренную собаченку на чехол импернала и кричал, вскакивая на козлы: пошел, пошел!—И моя четверка трогалась, звеня бубенцами, раздавался лай, гудел рожок, окна распахивались, и весь Тараскон с гордостью глядел на дилижанс, кативший по большой королевской дороге.

«Что за чудо эта дорога, господин Тартарен!—широкая, в образцовом порядке, с верстовыми столбами и кучками щебня на одинаковом расстоянии одна от другой, а по обеим сторонам расстилаются красивые равнины, покрытые оливками и виноградниками.

«На каждом шагу гостиницы, каждые пять минут остановки... И какие все почтенные люди были мои пассажиры!—Мэры и сельские священники, ехавшие в Ним к префекту или епископу, торговцы тафтой, мирно возвращавшиеся из Мазы, лицеисты, отпущенные на каникулы, бритые крестьяне в вышитых блузах, а наверху, на импернале, вы, господа охотники за фуражками, в полном составе, всегда такие веселые и распевавшие,—каждый свой, возвращаясь домой, вечером, при звездах!..

«Теперь не то... Я вожу Бог знает кого!— кучу каких-то бусурманов,—проходимцев, наполняющих меня насекомыми,—негров, бедуинов, отставных солдат, авантюристов всех стран, колонистов в лохмотьях, с вонючими трубками, и весь этот люд говорит на наречии, которого сам чорт не разберет. И потом, вы видите, как со мной обращаются! Никогда не чистят, никогда не моют, не подмазывают колеса... Вместо смирных, рослых коней, возивших меня когда-то, арабские лошаденки, у которых дьявол сидит в теле: они лягаются, кусаются, танцуют на бегу, как козы, и ломают мои оглобли копытами... Ай! ай!.. Вот, оно начинается!.. А дороги!.. Здесь еще они сносны, потому что начальство близко, а там, дальше, ничего, никаких дорог! Едут, как попало, через горы и долины, через леса из карликовых пальм и лентисков... Нет ни одной определенной остановки. Останавливаются, где вздумается кондуктору, то на одной ферме, то на другой.

«Иногда этот негодяй заставляет меня делать крюк в два лье, чтобы заехать к своему приятелю выпить абсента или шипучки... А потом,—кучер, гони! Надо наверстать потерянное время. Солнце палит, пыль жжет. Гони!—Зацепляемся, падаем! Гони во-всю! Переправляемся через реки вплавь, простужаемся, мокнем, тонем... Гони! Гони! Гони!.. А после,

вечером, вода льет с меня ручьями,—каково это в мои годы, с моими ревматизмами! и мне приходится ночевать под открытым небом, во дворе каравансарая, в котором гуляет ветер. Ночью шакалы и гиены обнюхивают мой кузов, и всякое жулье греется внутри, спасаясь от росы.

«Вот какую жизнь влачу я, господин Тартарен, и буду влачить ее, пока не паду,—больше мне ничего не остается,—сожженный солнцем, сгнивший от ночной сырости где-нибудь на скверной дороге, и арабы будут варить свое кускус на костре из обломков моего старого остова.

— Блидах! Блидах!—закричал кондуктор, отворяя дверцу.

II.

Появление маленького господина.

Тартарен из Тараскона увидел сквозь запотевшее стекло площадь перед красивым зданием су-префектуры, — площадь правильной формы, окруженную аркадами и обсаженную апельсиновыми деревьями; посреди нее маленькие, точно оловянные, солдатики проделывали в розовом утреннем тумане свои упражнения. Открывались ставни кафе. В углу виднелся свещный рынок...

— Молчи, поп,—сказал тарасконец,—давай скорее свою чалму и балахон!..

Турецкий кюрэ отдал, дрожа от страха, чалму и балахон,—все, что от него требовали. Тарасконец облекся в них и с важностью взошел на площадку минарета.

Море блестело вдаль. Белые крыши сверкали при лунном свете. Морской ветерок приносил запоздалые аккорды гитар... Муэдзин из Тараскона подумал с минуту, поднял руки и громко запел:

— Л а А л л а х и л ь А л л а х... Магомет—старый скоморох... Восток, Коран, башага, львы, мавританки, все это не стоит ни гроша... Нет больше т у р о к... Остались одни проходимцы... Да здравствует Тараскон!...

В то время, как знаменитый Тартарен оглашал море, город, равнину и гору этим забавным тарасконским проклятием на невообразимой смеси арабского с провансальским,—звонкие голоса других муэдзинов торжественно отвечали ему, замирая в отдалении, и все правоверные верхнего города стали набожно колотить себя в грудь.

VIII.

Тараскон! Тараскон!

Полдень. З у а в разводит пары, готовый отвалить. Наверху, на балконе кафе Валентин, офицеры наводят подзорную трубу и подходят

один за другим, начиная с полковника, взглянуть на счастливый пароходик, который идет во Францию. Это любимое развлечение штабных... Внизу блестит рейд. Тарели старых турецких пушек, врытых в землю на набережной, сверкают на солнце. Пассажиры спешат. Носильщики грузят багаж в лодки.

У Тартарена нет багажа. Он спускается по Флотской улице со своим другом Барбассу через заваленный бананами и арбузами рынок. Бедняга оставил на мавританском берегу ящики с оружием и иллюзии и теперь держит путь в Тараскон с пустыми руками. Но едва он успел прыгнуть в шлюпку капитана, как какое-то животное кубарем скатывается с площади и мчится к нему. То был верблюд, который целые сутки искал своего хозяина по Алжиру.

Увидя верблюда, Тартарен меняется в лице и притворяется, что не узнает его; но верблюд приходит в неистовство и мечется по набережной. Он зовет своего друга и с нежностью глядит на него. Печальный взгляд верблюда как будто говорит:

— Увези меня из этой игрушечной Аравии, подальше от этого смешного Востока, полного локомотивов и дилижансов, где дромадеру нечего больше делать. Ты—последний турок; я—последний верблюд... Мы никогда больше не расстанемся...

— Это ваш верблюд?—спрашивает капитан.

— Конечно, нет!—отвечает Тартарен, содрогаясь при мысли войти в Тараскон с подобным эскортом; и, бесстыдно отрекшись от товарища своих несчастий, он отталкивает лодку от берега. Верблюд шюхает воду, вытягивает шею, со всего размаха бросается в море и плывет за шлюпкой к Зуаву; его горб несятся по волнам, как пустая тыква, а шея высовывается из воды, как нос триремы.

Лодка и верблюд подплывают к пакеботу одновременно.

— Мне, наконец, жаль этого дромадера, — говорит растроганный капитан Барбассеу, — я возьму его на борт, а в Марсели подарю зоологическому саду...

Отяжелевшего от морской воды верблюда втаскивают на палубу с помощью веревок и блоков, — и Зуав снимается с якоря.

В продолжение всего переезда Тартарен не выходил из своей каюты, хотя море было спокойное, и феска чувствовала себя недурно: как только он показывался на палубе, проклятый верблюд тотчас же подлетал к нему со своими нелепыми нежностями и ставил его в самое смешное положение.

Заглядывая от времени до времени в окна каюты, Тартарен видел, что синее алжирское небо постепенно бледнеет, и, наконец, в одно прекрасное утро, он с радостью услышал сквозь

серебряный туман перезвон марсельских коло-
колов.

Приехали... З у а в бросил якорь.

Наш путешественник без багажа, молча, со-
шел на берег; чуть не бегом пересек Марсель,
боясь, как бы за ним не увязался верблюд, и
вдохнул свободно, только очутившись в вагоне
3-го класса, мчавшемся на всех парах в Та-
раскон. Но бедняга поторопился торжествовать
победу!—Не успел поезд отойти двух лье от
Марсели, как все головы высовываются из
окон; раздаются крики, выражения удивле-
ния... Тартарен также смотрит, и что же он
видит?—Верблюда, читатель, неизбежного вер-
блюда, который несется по шпалам среди
Кро *), не отставая от поезда ни на шаг. За-
жмурив глаза, Тартарен в ужасе прячется в
угол.

После этой неудачной экспедиции герой рас-
считывал вернуться домой инкогнито; благодаря
верблюду, это сделалось невозможным.

Хорошо возвращение, нечего сказать! Ни
су денег, ни львов,—ничего... кроме верблюда!..
— Тараскон!.. Тараскон!..

Надо выходить.

Что за притча! Едва феска героя появилась
в дверях, как громовый крик: «Да здравствует

*) Равнина при устье Роны.

Тартарен! — потряс стеклянный потолок вокзала.

— Да здравствует Тартарен! Да здравствует истребитель львов!

Вслед затем грянула музыка и запел хор... Тартарен едва не лишился чувств: ему представилось, что это мистификация. — Ничуть не бывало! — Весь Тараскон был тут; шляпы взлетали на воздух; неподдельный восторг был написан на лицах. Вот храбрый командир Бравида, оружейник Костекальд, председатель суда, аптекарь и весь доблестный отряд охотников за фуражками; они теснятся вокруг своего вождя и с триумфом несут его по лестницам...

Замечательное действие миража!.. Весь этот шум вызвала шкура слепого льва, посланная командиру Бравида. Благодаря этой жалкой шкуре, которая была, разумеется, немедленно же выставлена в клубе, Тараскон, а вслед за ним весь юг гордо подняли голову. Заговорил Се м а ф о р. Сочинили целую эпопею. Утверждали, что Тартарен убил не одного льва, а десять, двадцать — горю львов! Таким образом, высаживаясь в Марсели, он, сам того не зная, был уже знаменит, и восторженная телеграмма полетела в Тараскон, предупреждая об его прибытии. Но всеобщее ликование достигло апогея, когда позади героя появилось какое-то фантастическое животное, покрытое потом и пылью,

и, спотыкаясь, сошло с лестницы вокзала. Тарасконцам представилось, что воскрес их Тараск.

Тартарен успокоил своих сограждан:

— Это мой верблюд!—сказал он.

И, уже испытывая влияние тарасконского солнца, этого чудного солнца, которое заставляет так чистосердечно лгать, он прибавил, лаская горб верблюда:

— Это благородное животное!.. На его глазах я убил всех своих львов!..

Затем он взял под руку покрасневшего от счастья командира Бравида и мирно направился к домику с баобабом, восторженно приветствуемый народом, в сопровождении охотников за фуражками, с не отстававшим от него ни на шаг верблюдом.

Дорогой он начал рассказ о своих охотничьих подвигах.

— Представьте себе,—говорил он:—однажды вечером в Сахаре...

100=

ВСЕОБЩАЯ БИБЛИОТЕКА

Уэллс. Машина времени.	43. Лондон. Дети снегов.
Уэллс. Когда проснется Спящий.	44. Мопассан. Встреча.
Уэллс. Чудесное посещение.	45. Лондон. Потомок Маа-Коя.
Уэллс. Война в воздухе.	46. Мопассан. Оливковый сад.
Уэллс. Борьба миров.	47. Лондон. Красавица Ли-Ван.
Войнич. Свод.	48. Гамсун. Виктория.
Франс. Боги жаждут.	49. Лондон. Страшные Соломоновы острова.
Неллерман. Туннель.	50. Блэзфорд. Страна чудес.
Рони-Старший. Власть улицы.	51. Лондон. На конце радуги.
Мопассан. Монт-Ориоль.	52. Хиченс. Черный пудель.
Мопассан. Милый друг.	53. Лондон. Путь ложных солнц.
Мопассан. Мадемуазель Фифи.	54. Ожешко. Гекуба.
Мопассан. Пышка.	55. Лондон. Зов предков.
Мопассан. С левой руки.	56. Сенкевич. В пустыне и в дебрях.
Мопассан. Наше сердце.	57. Ожешко. Меир Эзофович.
Лондон. Сын солнца.	58. Моррис. Сон про Джона Болла.
Лондон. Железная пята.	59. Лоти. Исландский рыбак.
Лондон. Алая чума.	60. Ибаньес. Мертвые повелевают.
Дюма-сын. Дама с камелиями.	61. Гамсун. Дети века.
Гауптман. Перед восходом солнца.	62. Стивенсон. Странная история д-ра Джекилла и м-ра Хайда.
Шиллер. Разбойники.	63. Лоти. Матрос.
Шницлер. Зеленый попугай.	64. Бальзак. Тридцатилетняя жемчужина.
Скотт. Секретарь профессионального союза.	65. Лондон. Великое чудо.
Верхарн. Зори.	66. Уэллс. Первые люди на луне.
И. Тэн. Лекции об искусстве. Ч. I.	67. Лондон. Бывалый.
И. Тэн. Лекции об искусстве. Ч. II.	68. Шницлер. Поручик Густль.
И. Тэн. Лекции об искусстве. Ч. III.	69. Лондон. Бог его отцов.
И. Тэн. Лекции об искусстве. Ч. IV.	70. Мопассан. Дом Телле.
И. Тэн. Лекции об искусстве. Ч. V.	71. Лондон. Лунный лик.
Локи. Джеффри.	72. Стриндберг. Чандала.
Шницлер. Сумеречные души.	73. Додэ. Тартарен из Тараскона.
Франс. Семь жен Синей Бороды.	74. Лондон. До Адама.
Йенсен. Мадон д'Ора.	75. Стриндберг. На шхерах.
Локи. Веселые приключения Аристиды Пюжоля.	76. Шницлер. Фрау Берта Гарлау.
Реймонт. Мечтатель.	77. Мюссе. Сын Тициана.
Киплинг. Свет погас.	78. Лондон. Любимцы Миласа.
Локи. Симон Шутник.	79. Шницлер. Греческая танцовщица.
Меримэ. Кармен.	80. Лондон. Приключение.
Г. Ман. Диана.	81. Шницлер. Жена мудреца.
Г. Ман. Минерва.	82. Лондон. Сидя женщины.
Г. Ман. Венера.	83. Гонкур. Элиза.
Вассерман. Сестры.	